

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ДУГЛАС

ПРЕСТОН

ЛИНКОЛЬН

ЧАЙЛД

БАГРОВЫЙ БЕРЕГ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

Пендергаст

Линкольн Чайлд
Багровый берег

«Азбука-Аттикус»

2015

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Чайлд Л.

Багровый берег / Л. Чайлд — «Азбука-Аттикус»,
2015 — (Пендергаст)

ISBN 978-5-389-16414-7

Специальный агент ФБР Алоизий Пендергаст нехотя соглашается расследовать дело о похищении коллекции редких вин и... обнаруживает в погребке нишу с кандалами, а при тщательном осмотре – крохотную человеческую кость. Здесь когда-то заживо замуровали человека. Ограбление явно было инсценировано, чтобы вынести отсюда останки: кто-то очень хочет скрыть следы преступления, совершенного очень давно – судя по радиоуглеродному анализу кости, в 1880-х. Зачем? Пендергасту удастся выяснить, что в те же годы у местных берегов странным образом исчез пароход вместе с пассажирами, экипажем и грузом, в том числе особо ценным. Не было найдено ни обломков, ни трупов... если не считать труп приезжего историка, который как раз изучал историю исчезнувшего судна. Убийца вырезал на мертвом теле таинственные символы... События прошлого и настоящего сплетаются в тугой узел, и по мере расследования агент понимает, что тут не обошлось без вмешательства неких темных сил. Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-16414-7

© Чайлд Л., 2015

© Азбука-Аттикус, 2015

Содержание

1	6
2	10
3	15
4	19
5	22
6	25
7	31
8	34
9	37
10	42
11	46
12	50
13	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дуглас Престон, Линкольн Чайлд

Багровый берег

Douglas Preston and Lincoln Child
CRIMSON SHORE

Copyright © 2015 by Splendide Mendax, Inc. and Lincoln Child
This edition published by arrangement with Grand Central Publishing, New York, New York,
USA
All rights reserved

Серия «Звезды мирового детектива»

© Г. А. Крылов, перевод, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

Линкольн Чайлд посвящает эту книгу дочери Веронике

Дуглас Престон посвящает эту книгу Эду и Дарии Уайт

1

Когда раздался звонок в дверь, Констанс Грин перестала играть на фламандском клавесине, и в библиотеке воцарилась напряженная тишина. Констанс посмотрела на специального агента Алоизия К. Л. Пендергаста, который сидел у гаснущего огня в тонких белых перчатках и почти бесшумно листал иллюминированную рукопись, позабыв о наполовину пустом бокале амонтильядо на приставном столике. Молодая женщина припомнила последний раз, когда кто-то позвонил в дверь по адресу Риверсайд-драйв, 891, – чрезвычайно редкое событие в особняке Пендергаста. Воспоминания о том жутком моменте теперь повисли в воздухе, как миазмы.

Появился Проктор, шофер, телохранитель и доверенное лицо специального агента по всем вопросам.

– Открыть дверь, мистер Пендергаст?

– Пожалуйста. Только не впускайте. Узнайте имя и по какому вопросу и сообщите мне.

Три минуты спустя Проктор вернулся:

– Этого человека зовут Персиваль Лейк, он хочет нанять вас для частного расследования.

Пендергаст поднял ладонь, собираясь сразу же закрыть эту тему. Но что-то его остановило.

– Он не упомянул о характере преступления?

– Он отказался сообщать какие-либо подробности.

Пендергаст погрузился в размышления, слегка постукивая тонкими пальцами по позолоченному корешку рукописи.

– Персиваль Лейк... Знакомое имя. Констанс, будь добра, найди его на... Как там называется этот портал?... Его еще называли в честь астрономического числа.

– Гугл?¹

– Да-да. Погугли это имя, пожалуйста.

Констанс оторвала пальцы от желтоватых клавиш слоновой кости, встала из-за инструмента, открыла маленький шкафчик и выдвинула оттуда столик с ноутбуком. Несколько секунд она стучала по клавиатуре.

– Есть скульптор с таким именем, создает монументальные работы в граните.

– Я так и подумал. – Пендергаст стянул с рук перчатки и положил их рядом с собой. – Пригласите его.

Как только Проктор вышел, Констанс повернулась к своему опекуну, нахмурившись:

– Неужели наши финансы в таком плачевном состоянии, что ты решил подзаработать?

– Нет, конечно. Однако работы этого человека, хотя и довольно старомодные, сильно впечатляют. Насколько я помню, его фигуры появляются из камня так же, как «Пробуждающийся раб» Микеланджело. Самое малое, что я могу сделать, – это принять Лейка.

Вскоре Проктор вернулся. В дверях за ним стоял человек поразительной наружности, с огромной копной седых волос. Ему было шестьдесят пять, но, кроме волос, ничто не говорило о его возрасте; он был около шести с половиной футов ростом, стройного атлетического телосложения, с красивым, резко очерченным загорелым лицом, одетый в накрахмаленную белую рубашку, коричневые слаксы и голубой блейзер. Он излучал здоровье и энергию. Руки у него были мощные.

– Инспектор Пендергаст?

¹ Гугл – поисковая система, в названии которой использовано понятие Google: число, в десятичной системе счисления изображаемое единицей со 100 нулями.

Он с протянутой рукой широкими шагами подошел к специальному агенту, охватил его бледную ладонь своей гигантской лапой и встряхнул так, что чуть не опрокинул херес Пендергаста.

«Инспектор?» Констанс поморщилась. Похоже, ее опекун действительно будет «сильно впечатлен».

– Прошу вас, садитесь, мистер Лейк, – сказал Пендергаст.

– Спасибо! – Лейк сел, положил ногу на ногу и откинулся на спинку кресла.

– Могу ли я предложить вам что-нибудь выпить? Херес?

– Пожалуй, не откажусь.

Проктор молча наполнил для гостя маленький бокал и поставил рядом с его локтем. Скульптор сделал глоток.

– Прекрасное вино, благодарю вас. И спасибо, что согласились меня принять.

Пендергаст наклонил голову:

– Прежде чем вы поведаете мне свою историю, я обязан сказать, что не могу претендовать на звание «инспектор». Это британское звание. Я всего лишь специальный агент ФБР.

– Видимо, я начитался детективов. – Гость заерзал на стуле. – Позвольте, я перейду прямо к делу. Я живу в Эксмуте – это небольшой прибрежный городок на севере Массачусетса. Тихое место вдали от туристских маршрутов, да и летние отпускники его почти не знают. Лет тридцать назад мы с женой купили старый маяк и дом смотрителя маяка на Уолден-Пойнт, с тех пор я там и живу. Место для моей работы оказалось идеальное. Я всегда ценил хорошие вина – только красные, белые меня не интересуют, – и подвал старого дома служил превосходным хранилищем для моей довольно большой коллекции. Мой погреб весьма глубок, у него каменные стены и пол, температура что зимой, что летом – тринадцать градусов. Короче говоря, несколько недель назад я уехал на долгий уик-энд в Бостон. А вернувшись, обнаружил, что заднее окно разбито. В доме все цело, но, когда я спустился в подвал, оказалось, что он пуст. Моя коллекция вин исчезла!

– Какая ужасная потеря.

Констанс показалось, что она расслышала в голосе Пендергаста едва заметную нотку веселого пренебрежения.

– Скажите мне, мистер Лейк, вы все еще женаты?

– Моя жена умерла несколько лет назад. И теперь у меня... подруга, она живет со мной.

– И во время уик-энда, когда похитили вашу коллекцию, она была с вами?

– Да.

– Расскажите мне о ваших винах.

– С чего начать? У меня хронологическая коллекция «Шато Леовиль Пуаферре», начиная с тысяча девятьсот пятьдесят пятого года, а также отличные коллекции всех удачных лет «Шато Латур», «Пишон-Лонжевиль», «Петрюс», «Дюфор-Вивьен», «Лакомб», «Малеско-Сент-Экзюпери», «Шато Пальмер», «Тальбо»...

Пендергаст остановил этот поток, подняв руку.

– Извините, – сказал Лейк, сконфуженно улыбаясь. – Когда речь заходит о винах, меня заносит.

– Только французские бордо?

– Нет. С недавнего времени я стал собирать и некоторые превосходные итальянские вина, в основном «Брунелло», «Амароне» и «Бароло». Все исчезло.

– Вы обращались в полицию?

– Шеф Эксмутской полиции гроша ломаного не стоит. Настоящий осел. Выходец из Бостона. Он предпринимает какие-то действия, но не относится к этому серьезно, это ясно. Полагаю, он был бы больше озабочен, будь у меня коллекция пива «Бад лайт». Мне нужен

специалист, который нашел бы украденное вино, прежде чем его распродадут или, упаси бог, выпьют.

Пендергаст медленно кивнул:

– А почему вы пришли ко мне?

– Я читал книги о вашей работе. Те, что написаны Смитбеком. Уильямом Смитбеком, кажется.

Немного помолчав, Пендергаст ответил:

– Боюсь, что в этих книгах сильно искажены факты. Так или иначе, вы должны были понять, что я занимаюсь социальными девиациями, а не похищенным вином. Сожалею, но ничем более помочь не могу.

– Я очень на вас надеялся, ведь из этих книг я понял, что вы в некотором роде тоже знаток вин. – Лейк чуть подался вперед в кресле. – Агент Пендергаст, я в отчаянии. Мы с женой провели несчетное количество часов, собирая нашу коллекцию. Каждая бутылка – воспоминание, история, особенно о моих чудесных годах с нею. У меня такое чувство, что она умерла еще раз. Я щедро оплачу ваш труд.

– Мне действительно очень жаль, но я ничем не могу вам помочь в этом деле. Мистер Проктор вас проводит.

Скульптор встал.

– Что ж, я понимал, что у меня мало шансов. Спасибо, что выслушали. – Его встревоженное лицо слегка смягчилось. – Могу только благодарить Господа, что они не заметили «О-Бракиланж»!

В комнате повисла тишина.

– «Шато О-Бракиланж»? – спросил Пендергаст еле слышно.

– Именно так. Полный ящик тысяча девятьсот четвертого года. Моя драгоценность. Он стоял в стороне, в углу подвала, в оригинальном деревянном ящике. Эти чертовы идиоты не заметили его.

Проктор открыл дверь в библиотеку, ожидая, когда гость выйдет.

– Как вам удалось найти целый ящик девятьсот четвертого года? Я думал, оно давно все раскуплено.

– И все остальные тоже так думали. Но я всегда слежу, не появляются ли коллекционные вина на продажу, в особенности когда владелец умирает, а его наследники хотят обратить вино в деньги. Мы с женой нашли этот ящик в старинной коллекции вин в Новом Орлеане.

Пендергаст вскинул брови:

– В Новом Орлеане?

– Купили у старинной французской семьи со средствами, переживающей трудные времена.

Констанс заметила промелькнувшее на лице Пендергаста раздражение... или то была досада?

Лейк направился было к открытой двери, но тут специальный агент поднялся с кресла.

– Мистер Лейк, я передумал. Я возьмусь за ваше маленькое дельце.

– Правда? – Лейк повернулся к нему, расплываясь в улыбке. – Замечательно! Как я уже сказал, какую бы цену вы ни назначили, буду рад...

– Цена простая: бутылка «О-Бракиланж».

Лейк заколебался:

– Я рассчитывал на финансовое возмещение.

– Моя цена – бутылка.

– Но вскрывать ящик... – Скульптор смолк, и в комнате воцарилось молчание. Наконец Лейк улыбнулся. – А впрочем, почему бы и нет? Вы явно не испытываете нужды в деньгах. Я буду рад получить вашу помощь. Вы можете сами вскрыть этот ящик!

Переполненный эмоциями от собственной щедрости, Лейк снова протянул руку.

Пендергаст пожал ее:

– Мистер Лейк, пожалуйста, оставьте ваш адрес и контактную информацию Проктору. Я завтра же приеду в Эксмут.

– Жду вас с нетерпением. Я ни к чему в подвале не прикасался. Оставил все как было. Конечно, там побывала полиция, но они почти ничего не сделали, кроме нескольких снимков на сотовый, можете себе представить?

– Было бы замечательно, если бы вы нашли предлог не пускать их туда, если они снова появятся.

– Снова появятся? Это вряд ли.

Лейк ушел в сопровождении Проктора. Констанс повернулась к Пендергасту. Он ответил ей веселым взглядом, его серебристые глаза блеснули.

– Можно поинтересоваться, что ты делаешь? – спросила она.

– Берусь за частное расследование.

– Расследование кражи вина?

– Моя дорогая Констанс, в последние несколько месяцев в Нью-Йорке, к моему величайшему прискорбию, не случилось серийных убийств. Моя тарелка, как говорится, пуста. И мне предоставляется идеальная возможность отдохнуть неделю-другую в очаровательном прибрежном городке, да еще не в сезон, занимаясь таким сладким делом, что пальчики оближешь. Я уже не говорю о приятном заказчике.

– Хвастливость и самовозвеличивание – вот более точная его характеристика.

– Ты мизантроп еще почище меня. А я вполне могу после недавних событий подышать освежающим осенним воздухом.

Констанс незаметно посмотрела на него. Пендергаст был прав: после испытаний, выпавших на его долю этим летом, любая перемена пошла бы ему на пользу.

– Но бутылка вина в качестве вознаграждения? В следующий раз ты предложишь свои услуги в обмен на гамбургер из «Шейк-Шак».

– Навряд ли. Это вино и есть причина, единственная причина, по которой я принял его предложение. В девятнадцатом веке фирма «Шато О-Бракиланж» производила лучшие вина во Франции. Их неподражаемый кларет изготавливался только на основе урожая с одного виноградника площадью около двух акров, засаженного такими сортами, как каберне совиньон, каберне франк и мерло. Виноградник располагался на холме близ Фронсака. К несчастью, за этот холм шли беспощадные бои во время Первой мировой, там применялся горчичный газ, и землю отравили навсегда, а шато сровняли с землей. Известно, что осталось всего две дюжины бутылок разных урожаев этого шато. Но ни одной – великого урожая тысяча девятьсот четвертого года. Считалось, что их попросту больше не существует. Поразительно, что у этого человека имеется целый ящик этого вина. Ты видела, как неохотно он согласился расстаться даже с одной бутылкой?

Констанс пожала плечами:

– Надеюсь, тебе понравятся эти каникулы.

– Я не сомневаюсь, что мы оба прекрасно проведем время.

– Мы оба? Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой? – Ее лицо обдало жаром.

– Конечно. Я думаю, ты готова для таких каникул вдали от привычной обстановки. Более того, я настаиваю. Тебе нужно отдохнуть не меньше, чем мне. И, кроме того, я буду рад возможности на какое-то время забыть о письмах от администрации Ботанического сада, а ты разве нет?

2

Констанс Грин ощутила запах морского воздуха, как только Пендергаст за рулем винтажного родстера «порше» свернул на мост Метакомет – разрушающуюся грудку ржавых эстакад и опор над широким соляным болотом. Они мчались по мосту под лучами октябрьского солнца, поблескивающего на водной ряби. На другой стороне болота дорога ненадолго нырнула в темень соснового леса, потом снова вырывалась на широкий простор. Там, вдоль кривой, где топь встречалась с океаном, расположился городок Эксмут, штат Массачусетс. Констанс показалось, что городок этот похож на все другие городки Новой Англии: скопление крытых дранкой домов вдоль главной улицы, несколько церковных шпилей, кирпичное здание муниципалитета. Выехав на главную улицу, Пендергаст сбросил скорость, и Констанс с интересом разглядывала окрестности.

Городок выглядел слегка запущенным, что лишь придавало ему очарования. Чайки парили над этим типичным прибрежным поселением с домами, обшитыми вагонкой, с лавочками, неровными кирпичными тротуарами. Путешественники проехали мимо автозаправки, нескольких старых магазинов с зеркальными стеклами витрин, мимо столовой, похоронной конторы, кинотеатра, превращенного в книжный магазин, мимо капитанского особняка восемнадцатого века, с балкончиком на крыше. Вывеска над входом в особняк гласила: «Эксмутское историческое общество и музей».

Несколько горожан, шедших по тротуару, остановились и уставились на проезжающую мимо машину. Констанс поймала себя на том, что удивляется собственному любопытству. Пусть она и не признавала этого, но прекрасно понимала, что, несмотря на потрясающую начинанность, она видела слишком мало в этом мире, отчего чувствовала себя в своей стране, как Марко Поло.

– Ты не замечаешь здесь кого-нибудь похожего на воришку, специализирующегося по винам?

– Вон тот пожилой джентльмен в полосатом пиджаке и фиолетовом галстуке-бабочке выглядит очень подозрительно.

Пендергаст сбросил скорость и небрежно припарковался у тротуара.

– Мы останавливаемся?

– У нас есть немного времени. Давай попробуем местный деликатес – рулет с омаром.

Когда они выходили из машины, джентльмен в полосатом пиджаке кивнул им и улыбнулся, а затем проследовал дальше по своим делам.

– Определенно подозрительная личность, – сказала Констанс.

– Его следует упрятать за решетку уже за один этот галстук-бабочку.

Они прошли по тротуару и свернули в переулок, ведущий к океану. Несколько рыбацких хижин, несколько магазинов и ресторанов, ряд пристаней, уходящих в залив возле устья приливных болот. Еще дальше, за полосой колеблющихся на поверхности водорослей, Констанс видела широкую линию океана. Смогла бы она жить в таком городке? Категорически нет. Но побывать в подобном местечке занятно.

Рядом с коммерческой пристанью стоял павильон, предлагающий дары моря: нарисованные на вывеске омар и устрица плясали перед рядом мидий, наигрывающих на музыкальных инструментах.

– Два рулета с омаром, будьте добры, – сказал Пендергаст, когда они подошли к павильончику.

Им быстро принесли заказ: на картонных лотках лежали разрезанные пополам и намазанные маслом булочки для хот-догов, только вместо хот-дога – большие куски омара в сливочном соусе.

– Как это есть? – спросила Констанс, разглядывая свой лоток.

– Я в полном недоумении.

Двухцветная полицейская патрульная машина заехала на ближайшую парковку и сделала по ней круг. Водитель – крупный человек с капитанскими нашивками на плече – снизил скорость и несколько секунд разглядывал чужаков, потом понимающе улыбнулся и поехал дальше.

– Сам шеф полиции, – сказал Пендергаст, кинув несъеденный рулет в мусорный бачок.

– Кажется, его что-то позабавило.

– Да, и мы наверняка вскоре узнаем причину.

Они вернулись на главную улицу, и Констанс увидела трепещущую на ветерке штрафную квитанцию, засунутую за дворник «порше». Пендергаст вытащил квитанцию и изучил ее:

– Похоже, я припарковался сразу на двух парковочных местах. Какая невнимательность с моей стороны.

Констанс посмотрела: он и в самом деле поставил машину на стыке разметки.

– Но тут на всей улице практически ни одной машины.

– Закон есть закон.

Пендергаст сунул квитанцию в карман пиджака, и они сели в машину. Он завел двигатель и вырулил на проезжую часть. Вскоре они выехали из центра городка на другую его окраину, здания магазинов уступили место скромным жилым домам, крытым дранкой. Дорога шла вверх через травянистые луга, окруженные мощными дубами, затем выходила на возвышенность, откуда открывался вид на Атлантический океан. Впереди, в направлении обрывистого берега, возвышался Эксмутский маяк – пункт их назначения. Он был белого цвета с черной верхушкой и выделялся на фоне голубого неба. Рядом стоял дом смотрителя, простой, как картины Эндрю Уайета.

Они подъехали поближе, и Констанс увидела разбросанные по траве вдоль края обрыва скульптуры – грубо обтесанные гранитные глыбы, из которых вырастали полированные и несколько зловещие формы: лица, туловища, мифические морские существа. Место, выбранное для сада скульптур, показалось ей поразительным.

Пендергаст остановил родстер на гравийной дорожке, идущей вдоль дома. Когда они вышли из машины, в дверях появился Персиваль Лейк и шагнул на крыльцо.

– Добро пожаловать! Боже милостивый, да вы путешествуете с шиком. Это ведь «Спайдер – пятьсот пятьдесят» пятьдесят пятого года, если не ошибаюсь, – сказал он, спускаясь по ступеням.

– Точнее, пятьдесят четвертого, – ответил Пендергаст. – Машина моей покойной жены. Я предпочитаю что-нибудь более комфортабельное, но моя помощница мисс Грин настояла на родстере.

– Я не настаивала, – вставила она.

– Ваша помощница... – (Констанс не понравилось, как иронически взлетели брови скульптора при взгляде на нее.) – Рад видеть вас снова.

Она довольно холодно пожала его руку.

– Давайте посетим место преступления, – предложил Пендергаст.

– А вы время даром не тратите, ни свое, ни чужое.

– В уголовном расследовании существует обратная зависимость между качеством вещественных доказательств и временем, в течение которого эти доказательства ожидали осмотра.

– Верно.

Лейк провел их в дом. Они прошли по холлу и небольшой гостиной, из окон которой открывался панорамный вид на океан. В старом доме, полном воздуха и свежести, царил идеальный порядок; морской ветерок поигрывал кружевными занавесками. В кухне нарезала морковь привлекательная блондинка лет тридцати пяти, стройная и спортивная.

– А это *моя* помощница, Кэрол Хинтервассер, – сказал им Лейк. – Пожалуйста, познакомься: агент Пендергаст и Констанс Грин. Они приехали на розыски моей коллекции вин.

Женщина повернулась к ним с улыбкой, открывшей белоснежные зубы, вытерла руки и обменялась с гостями рукопожатием.

– Прошу меня простить, я как раз готовлю мирпуа². Я так рада, что вы смогли приехать! Перс просто в отчаянии. Эти вина так много для него значили – гораздо больше, чем их стоимость.

– Я его понимаю, – откликнулся Пендергаст.

Констанс заметила, что он общаривает кухню своими серебристыми глазами.

– Сюда, пожалуйста, – сказал Лейк.

В дальнем конце кухни была узкая дверь. Лейк открыл ее, щелкнул выключателем. Вспыхнувшая лампа осветила хлипкую крутую лестничку, уходящую в темноту. Оттуда хлынул густой запах холодной сырой земли и камня.

– Осторожнее, – предупредил Лейк. – Лестница крутая.

Они спустились в похожее на лабиринт помещение с каменными стенами, покрытыми селитрой, и каменным полом. В одной из ниш размещалась печь и водонагреватель, в другой – хранились пневматические инструменты, мешки с песком, защитные костюмы и оборудование для полировки камня.

Они завернули за угол и очутились в самом большом из подвальных помещений. Вдоль одной стены от пола до потолка стояли пустые винные стеллажи из дерева. Желтые бирки с закручивающимися краями были приклеены к дереву или разбросаны по полу вместе с разбитыми бутылками. Здесь стоял тяжелый запах вина.

Пендергаст подобрал осколок бутылки и прочел этикетку:

– «Шато Латур» шестьдесят первого года. Эти грабители были удивительно неаккуратны.

– Превратили хранилище черт знает во что, кретины.

Специальный агент опустился на колени перед ближайшим к нему стеллажом и принялся разглядывать его, освещая лучом светодиода из портативного фонарика в форме авторучки.

– Расскажите мне о том уик-энде, когда случилась кража.

– Мы с Кэрол уехали в Бостон. Мы туда часто ездим пообедать, посетить симфонический концерт, заглянуть в музей – подзарядить наши аккумуляторы, так сказать. Уезжаем в пятницу после полудня и возвращаемся в воскресенье вечером.

Луч света общаривал стеллаж.

– Кто знал о вашем отъезде?

– Да наверное, почти весь город. Нам приходится проезжать через него по пути в Бостон, а Эксмут, как вы видели, городок небольшой. Все знают, что мы часто ездим в Бостон.

– Вы сказали, было разбито окно. Насколько я понимаю, дом вы запираете?

– Да.

– А тревожная сигнализация у вас есть?

– Нет. Было глупо не поставить сигнализацию, но сожалеть об этом поздно. Правда, преступность здесь почти нулевая. Не помню, когда в Эксмуте в последний раз случалась кража.

Пендергаст откуда-то – очевидно, из потайного кармана – извлек пробирку и пинцет. Пинцетом он снял что-то со стеллажа и положил в пробирку.

– Какова история вашего дома? – спросил он.

– Это один из старейших домов к северу от Салема. Как я уже говорил, это дом смотрителя маяка, построенный в тысяча семьсот четвертом году, пристройки появились позднее. Мы с женой купили его и не спеша ремонтировали. Как скульптор я могу работать где угодно, но нам это место показалось совершенно идиллическим – тихое, вдали от больших дорог, но в

² *Мирпуа* – овощная смесь для заправки супов.

то же время недалеко от Бостона. Очаровательное и потаенное. К тому же местный гранит прекрасен. Здесь неподалеку, по ту сторону соляных болот, есть гранитный карьер. Часть розового гранита, использованного при строительстве Музея естественной истории в Нью-Йорке была взята из этого карьера. Прекрасный материал.

– Я бы хотел как-нибудь прогуляться по вашему саду скульптур.

– Конечно. Вы остановились в гостинице, насколько я понял? Я вам все покажу.

Пока Лейк хвалил местный гранит, Констанс наблюдала за Пендергастом, который ползал на коленях, пачкая свой костюм и внимательно изучая пол подвала.

– А бутылки «Бракиланжа»? Они, вероятно, в том ящике в дальнем углу?

– Да, и слава богу, что они его не заметили!

Пендергаст снова поднялся. Его бледное лицо выражало озабоченность. Он подошел к вину, которое находилось в деревянном ящике с вытесненным на нем гербом шато. Крышка была не закреплена, и Пендергаст приподнял ее и заглянул внутрь. Осторожным движением он засунул внутрь руку и вытащил бутылку, обхватив ее, словно младенца.

– Кто бы мог подумать! – прошептал он и убрал бутылку на место.

Он вернулся к пустым стеллажам, шагая по битому стеклу, хрустевшему под ногами. Теперь его внимание привлекли верхние секции. Пендергаст взял еще несколько образцов, пошарил лучом фонарика по потолку, затем по полу, проверяя крепления стеллажей. Неожиданно он ухватился за две деревянные скрепы, удерживающие центральную часть стеллажа, и с силой потянул на себя. Дерево затрещало, застонало, и стеллаж сдвинулся вперед, открывая стену, выложенную тесаным камнем.

– Какого черта?.. – возмутился Лейк.

Но специальный агент, проигнорировав его, отодвинул другие части винного стеллажа, и наконец вся центральная часть стены, скрепленная известковым раствором, обнажилась. Пендергаст вытащил маленький перочинный нож, вставил его между двумя камнями и начал скоблить и врезаться лезвием в раствор, пока не высвободил один камень и не извлек его. Он осторожно положил камень на пол и посветил фонариком внутрь в проделанное отверстие. Констанс с удивлением поняла, что там пустое пространство.

– Будь я проклят... – начал Лейк, подходя и пытаясь заглянуть внутрь.

– Отойдите, – резко сказал Пендергаст.

Из кармана пиджака он достал пару латексных перчаток и рывком натянул их. Потом расстелил на грязном полу свой пиджак и переложил на него камень. Работая быстрее, но с прежней осторожностью, он вытащил второй камень, затем третий, укладывая их наружной стороной на пиджак. Констанс поморщилась: сшитый на заказ английский костюм был безнадежно испорчен.

Постепенно открылась небольшая ниша. Она была пуста, если не считать вделанных в камень вверху и внизу задней стены цепей, с которых свисали ручные и ножные кандалы. Констанс смотрела на это с холодной отстраненностью; она давным-давно обнаружила похожие предметы в подвальных помещениях особняка Пендергаста на Риверсайд-драйв. Сам же агент ФБР стал еще бледнее, чем обычно.

– Я убит наповал, – сказал Лейк. – Я понятия не имел...

– Помолчите, пожалуйста, – прервала его Констанс. – Мой опекун, то есть мистер Пендергаст, работает.

Пендергаст продолжал извлекать камни, пока не обнажилась вся ниша. Она имела высоту около шести футов и глубину около трех. Ниша появилась одновременно с постройкой дома и явно предназначалась для содержания здесь человека. Ручные и ножные кандалы заржавели в закрытом положении, но костей тут не было. Констанс отметила, что ниша необъяснимо чиста – просто ни пылинки.

Специальный агент опустился на колени в нише и принялся прощупывать, разглядывать все мельчайшие трещинки в увеличительное стекло, держа наготове пробирку и пинцет. Он занимался этим минут десять, а затем, не обнаружив почти ничего достойного внимания, перешел на пол непосредственно перед нишей. Здесь Пендергаст довольно долго прощупывал поверхность и отбирал пробы. Лейк смотрел на все это, с трудом сдерживаясь, чтобы не заговорить.

– Так! – сказал вдруг Пендергаст.

Он поднялся, держа пинцетом что-то похожее на крохотную косточку. Поднеся лупу к глазу, он некоторое время внимательно разглядывал находку. Потом снова опустился на колени и, почти распластавшись перед извлеченными из стены камнями, изучил при помощи лупы их внутренние стороны.

Наконец он посмотрел вверх, остановив взгляд своих серебристых глаз на Констанс.

– Что? – спросила она.

– Каникулы закончились.

– Что ты имеешь в виду?

– Это не простое похищение вина. Это нечто гораздо большее. И гораздо более опасное. Ты больше не можешь здесь оставаться. Ты должна вернуться на Риверсайд-драйв.

3

Констанс уставилась на покрытое пылью лицо Пендергаста. Через миг она ответила:

– Слишком опасное? Для меня? Алоизий, ты забыл, с кем говоришь.

– Не забыл.

– Тогда, может быть, объяснишь?

– Непременно. – Он уронил крохотную косточку в пробирку, закрыл ее и передал Констанс. – Держи.

Она взяла пробирку и лупу.

– Это дистальная фаланга указательного пальца левой руки человека. Ты видишь, что кончик раздроблен, на нем следы скобления и трещина. Это предсмертные изменения – прямо перед смертью.

Она вернула ему пробирку:

– Я вижу.

– Теперь посмотрим на камни здания. – Пендергаст обвел их лучом фонарика. – Я расположил их на моем пиджаке так, как они стояли в стене, внутренней стороной к нам. Обрати внимание на глубокие канавки, царапины и брызги темного вещества.

Констанс присмотрелась к тому, на что он указывал лучом фонарика.

– О чем они тебе говорят?

Констанс уже поняла, к чему ведет ее опекун:

– Кто-то много лет назад был прикован к стене в нише и пытался выбраться на свободу.

Он безрадостно улыбнулся:

– Превосходно.

– Это ужасно, – вмешался в разговор Лейк с искаженным от потрясения лицом. – Просто ужасно. Я понятия не имел! Но... как вы догадались, что за стеллажом есть ниша?

– Воры не взяли «Бракиланж». Это было моим первым соображением. Любой, кто дает себе труд похитить целую винную коллекцию, непременно должен знать о таком легендарном урожае. И уж каким бы неловким он ни был, он бы не разбил магнум «Шато Латур» урожая шестьдесят первого года. – Пендергаст показал на осколки на полу. – Стоимость такой большой бутылки – не менее пятнадцати тысяч долларов. Так что я с самого начала знал: хотя мы, несомненно, имеем дело с ворами, но определенно не с похитителями вина. Нет, они пришли сюда за чем-то гораздо более ценным – по крайней мере, для них. Естественно, это натолкнуло меня на мысль посмотреть за стеллажами, где я увидел следы недавнего вторжения, что в свою очередь заставило подумать о нише.

Лейк опасливо заглянул внутрь:

– Вы и вправду считаете, что там держали человека?

– Да.

– И ограбление было инсценировано, чтобы... чтобы увезти скелет?

– Вне всяких сомнений. – Пендергаст постучал ногтем по пробирке в руке Констанс.

– Господи боже.

– Это замуровывание в стену – явно очень старое преступление. Но люди, которые извлекли отсюда скелет, вероятно, знали об этом преступлении и хотели его скрыть или же хотели извлечь что-то из ниши, а может быть, и то и другое. Они предприняли немало усилий, чтобы замаскировать свою работу. К несчастью для них, они не заметили эту кость. А она – достаточно красноречивое доказательство.

– А что насчет опасности? – спросила Констанс.

– Моя дорогая Констанс! Это преступление – дело рук местных жителей... или, по крайней мере, того, чья семейная история уходит корнями в стародавние времена. Эти люди навер-

няка знали, что вместе со скелетом замуровано что-то еще, предположительно очень ценное. Поскольку им пришлось сдвигать стеллаж и следы подобной деятельности невозможно было бы скрыть, они решили инсценировать ограбление.

– Они? – переспросил Лейк. – Преступник был не один?

– Таково мое предположение. Для того чтобы сделать все это, требовались немалые усилия.

– Но ты так и не объяснил, в чем опасность, – сказала Констанс.

– Опасность кроется в самом факте, что я начинаю расследование. Вряд ли мои усилия порадуют грабителей. Они предпримут разные шаги, чтобы защитить себя.

– И ты думаешь, что это я в опасности?

Молчание тянулось до тех пор, пока Констанс не поняла, что Пендергаст не собирается отвечать.

– Единственная серьезная угроза, – вновь заговорила она вполголоса, – нависает над преступниками, если они совершат ошибку и попробуют скрестить мечи с тобой. В этом случае им придется иметь дело со *мною*.

Пендергаст покачал головой:

– Этого-то я и боюсь больше всего. – Он помолчал, размышляя. – Если я позволю тебе остаться, ты должна себя... контролировать.

Констанс проигнорировала скрытый смысл его слов:

– Я уверена, что смогу быть тебе полезна, особенно в том, что касается исторической стороны дела, поскольку связь с историей тут очевидна.

– Ценное соображение: я несомненно выиграю от твоей помощи. Но пожалуйста... никакой самодеятельности. Я нахлебался этим с Кори.

– По счастью, я не Кори Свенсон.

В подвале вновь воцарилось молчание.

– Что ж, – произнес наконец Лейк. – Давайте поднимемся из этого промозглого подвала, выпьем чего-нибудь, полюбуемся на закат и поговорим о том, что будет дальше. Должен сказать, я совершенно убит вашей находкой. Довольно мрачная, но тем не менее захватывающая неожиданность.

– Да, захватывающая, – сказал ему Пендергаст. – Но в еще большей мере опасная. Не забывайте об этом, мистер Лейк.

Они устроились на веранде, выходящей на море, в то время как солнце садилось у них за спиной. Облака на восточном горизонте переливались багряным, оранжевым и алым цветом. Лейк открыл бутылку «Вдовы Клико».

Пендергаст взял бокал:

– Мистер Лейк, я должен задать вам еще несколько вопросов, если вы не возражаете.

– Я не возражаю против вопросов, но мне не очень нравится «мистер Лейк». Называйте меня Перс.

– Я родом с юга. И буду вам признателен, если вы пойдете мне навстречу и мы будем обращаться друг к другу официально.

Лейк закатил глаза:

– Отлично, если вам так удобнее.

– Спасибо. Вы несколько раз упоминали о бесполезности полиции. Что они успели принять по вашему делу?

– Да ни черта! У нас в городе только два копа: начальник полиции и молодой сержант. Они приехали, минут пятнадцать изображали, будто что-то ищут, сделали несколько фотографий. Никаких отпечатков пальцев – ничего.

– Расскажите мне о них.

– Шеф полиции, Мурдок, настоящий задира, к тому же он глупее гранитной тумбы. По существу, он здесь на отдыхе, с тех пор как его прислали из Бостонской полиции. Ленивый сукин сын, в особенности теперь, когда ему до пенсии полгода.

– А его помощник? Сержант?

– Гэвин? Этот немного умнее своего босса. Он, кажется, неплохой парень, но под сапогом у шефа. – Лейк заколебался.

Констанс заметила его неуверенность:

– И шеф знает о нашем приезде, да?

– Боюсь, что я вчера сплеховал. Взбесил меня этот Мурдок. Я сказал ему, что собираюсь нанять частного детектива.

– И как он прореагировал? – спросил Пендергаст.

– Начал сотрясать воздух. Сыпать угрозами.

– Какого рода угрозами?

– Сказал, что, если какой-нибудь частный хрен появится в его городе, он его тут же арестует. Я, конечно, сомневаюсь, что он решится на такое. Но он наверняка попытается учинить какую-нибудь гадость. Я прошу прощения, мне следовало держать рот на замке.

– И с этого момента вы так и будете поступать, особенно в отношении сделанных сегодня находок.

– Обещаю.

Пендергаст пригубил шампанское:

– Пойдем дальше. Что вам известно о конкретной истории вашего дома и его обитателей?

– Почти ничего. До тысяча девятьсот тридцатых этот дом принадлежал смотрителю маяка, а потом на маяке установили автомат. Дом пришел в запустение. Когда мы его купили, он практически разваливался.

– А маяк? Он все еще действует?

– О да. Он включается с сумерками. Нужды в нем, конечно, больше нет, но все маяки на побережье Новой Англии все еще работают – по ностальгическим причинам. Маяком я не владею, он принадлежит Береговой охране США, закреплен за Американским фондом охраны маяков и находится на их обслуживании. На нем установлена линза Френеля четвертого порядка, мерцание белое, через каждые девять секунд. У Исторического общества есть список всех смотрителей маяка.

Пендергаст посмотрел на Констанс:

– Вот твое первое поручение: узнать, кто был смотрителем маяка, когда в подвале совершалось это преступление. После анализа кости я назову тебе интересное нас время.

Она кивнула.

Специальный агент снова обратился к Лейку:

– Как насчет истории города? Что-нибудь из нее может пролить свет на склеп в подвале?

Лейк отрицательно покачал головой, провел по седым волосам своей крупной рукой с проступающими венами. Констанс обратила внимание на его мощные предплечья – вероятно, следствие работы скульптором по камню.

– Эксмут – очень старый рыболовный и китобойный городок, основанный в начале восемнадцатого века. Не знаю, какому гению пришла мысль строить город на соляных болотах, но идея была негодная. Во всем этом районе житья нет от зеленоголовков. Хотя ловля рыбы на протяжении десятилетий и приносила доходы, здесь никогда не было летнего курорта, как в Рокпорте или Марблхеде.

– Зеленоголовки? – переспросил Пендергаст. – Какие-то кусающие мухи?

– Самые неприятные из них. *Tabanus nigrovittatus*. Кусают и пьют кровь только самки этого вида, естественно.

– Естественно, – сухо повторила Констанс. – Только самки и способны на настоящую работу.

Лейк рассмеялся:

– Сдаюсь.

– А темная история города? Рассказы, слухи, убийства, интриги?

Лейк помахал рукой:

– Слухи.

– Например?

– Именно то, чего можно ожидать от городка, расположенного немного севернее Салема.

Истории о том, как в тысяча шестьсот девяностых годах поблизости обосновалась шайка ведьм, которые пытались избежать процессов. Чувшь, конечно. Практически здесь теперь то, что осталось от новоанглийской рыболовецкой деревни. Впрочем, в западной части городка – его называют Дилл-Таун, но в сороковые годы его включили в Эксмут – время от времени случаются мелкие преступления. Как говорится, это другая сторона баррикад. – Он жадно глотнул шампанского. – Должен сказать, меня потрясло наличие камеры пыток в моем доме. Просто не могу поверить. Напоминает ту мрачную историю По, «Бочонок амонтильядо». – Он помолчал, глядя на Пендергаста. – Вы говорите, там, внутри, было что-то ценное? Может, какое-нибудь пиратское сокровище? Скелет, охраняющий сундук с золотом?

– Для таких предположений пока рановато.

Лейк посмотрел на Констанс с блеском в глазах:

– А вы что думаете? У вас есть какие-нибудь предположения?

Констанс бросила на него ответный взгляд.

– Никаких, – ответила она. – Но одна фраза приходит в голову.

– Какая же?

– «Ради всего святого, Монтрезор!»³

Пендергаст пристально посмотрел на нее, потом на Лейку, чье испуганное лицо мгновенно побледнело.

– Вы должны извинить мою помощницу, – сказал он. – У нее довольно злое чувство юмора.

Констанс чопорным жестом разгладила на себе платье.

³ Известная реплика из упомянутого выше рассказа Эдгара По. Герой рассказа мстит своему бывшему другу, замуровывая его в стену. Этой фразой замурованный просит (и не получает) пощады.

4

Пендергаст остановил свой «порше» – с открытым верхом, чтобы встретить солнечные лучи позднего утра, – на парковочном месте на Мейн-стрит.

– Автомобили для меня все еще в новинку, – заметила Констанс, выйдя из машины. – Но даже я могу сказать, что ты припарковался неправильно. Ты опять заехал на линию.

Пендергаст в ответ только улыбнулся:

– Идем в магазин.

– Ты шутишь?

– Констанс, вот одна из первых вещей, которые ты должна запомнить, когда помогаешь мне в расследовании: не стоит оспаривать каждый мой шаг. А теперь... Я вижу в этой витрине симпатичные гавайские рубашки, и они даже продаются со скидкой!

Она последовала за ним в магазин и сделала вид, что рассматривает одежду для тенниса, пока Пендергаст перебирал гавайские рубашки, откладывая какие-то из них, явно наобум. До Констанс доносился его разговор с продавцом: специальный агент спрашивал, бывают ли у них случаи воровства и есть ли на самом деле нужда в камере наблюдения, которая стоит на виду в витрине. Услышав, что продавец пробивает чек, Констанс нахмурилась. Она понимала, что Пендергаст оценивает городок, но его действия казались ей такими случайными, такими бесцельными, притом что имелось столько других важных дел. Например, список зрителей маяка, дожидавшийся ее в архиве Исторического общества. И радиоуглеродное датирование кости пальца.

Вскоре они вышли на улицу, Пендергаст держал в руках пакет с покупками. Он помедлил в дверях магазина, чтобы посмотреть на часы.

– И сколько в точности ярдов жуткого вкуса ты приобрел? – спросила Констанс, взглянув на пакет.

– Я не обратил внимания. Давай-ка остановимся на минутку.

Констанс уставилась на него. Возможно, у нее разыгралось воображение, но ей показалось, что на его лице застыло предвкушение.

И тут она увидела, что по Мейн-стрит едет двухцветная полицейская машина.

Пендергаст снова посмотрел на часы:

– Жители Новой Англии замечательно пунктуальны.

Машина сбросила скорость и остановилась у тротуара. Из нее вышел полицейский – шеф полиции, которого они видели вчера. Констанс плохо разбиралась в мужской красоте двадцатого века, но этот тип выглядел как обрюзгшая звезда футбольной команды провинциального колледжа из 1950-х годов: короткая стрижка, толстая шея, квадратная челюсть и огромный рыхлый торс. Подтянув позвякивающий ремень на брюках, полицейский вытащил плотную пачку бланков и начал выписывать штраф родстеру.

Пендергаст подошел к нему:

– Позвольте узнать, в чем проблема?

Полицейский повернулся к нему, его резиновые губы растянулись в улыбке.

– Так медленно учитесь?

– Что вы имеете в виду?

– Вы опять неправильно припарковались. Видимо, одного штрафа для вас было недостаточно.

Пендергаст вытащил вчерашнюю квитанцию:

– Вы об этом?

– Совершенно верно.

Пендергаст аккуратно разорвал квитанцию пополам и сунул назад в карман.

Начальник полиции нахмурился:

– Прелестно.

Констанс поморщилась, услышав сильный южно-бостонский акцент полицейского. Есть ли в английском более скрипучее произношение? Пендергаст намеренно провоцировал полицейского в своей обычной манере, и теперь Констанс начала понимать, по какому поводу он испытывал предвкушение. Это может оказаться забавным. В нужный момент он вытащит свой фэбээровский жетон и поставит отвратительного копа на место.

Полицейский выписал штраф и сунул квитанцию под дворник.

– Прошу. – Он ухмыльнулся. – Можете разорвать еще одну.

– Я не против.

Пендергаст вытащил квитанцию из-под дворника, разорвал пополам, сунул обрывки в карман и похлопал по нему ладонью.

– Вы можете рвать их хоть целый день, это их не отменяет. – Полицейский подался вперед. – Позвольте дать вам маленький бесплатный совет. Нам не нравится, когда какие-то самозванные частные хрены приезжают в наш город и вмешиваются в наше следствие. Так что будьте осторожны.

– Я действую как частный детектив, это верно, – сказал Пендергаст. – Однако я возражаю против использования слова «хрен».

– Мои искренние извинения за использование слова «хрен».

– Было украдено вино на сумму в несколько сотен тысяч долларов, – произнес специальный агент напыщенным тоном. – Это крупное хищение самого высокого уровня. Меня пригласили, поскольку полиция не способна или не имеет желания расследовать это преступление.

Полицейский нахмурился. Несмотря на осеннюю прохладу, на его сальном лбу появились капельки пота.

– Ладно. Знаете что? Я буду следить за всем, что вы делаете. Хоть на один шаг, хоть на полдюйма зайдете за черту – и я вышвырну вас из города, вы и глазом моргнуть не успеете. Вам ясно?

– Безусловно. А пока я расследую кражу в крупном размере, вы можете продолжать защищать город от скверны неправильной парковки.

– Вы настоящий шут.

– Это было замечание, а не шутка.

– Ну что ж, заметьте еще одно: припаркуете неправильно в следующий раз, и я эвакуирую вашу машину. – Он провел двумя толстыми пальцами по борту машины. – А теперь, пожалуйста, припаркуйте машину, как этого требует закон.

– Вы имеете в виду, прямо сейчас?

Дыхание копа стало тяжелым.

– Прямо сейчас, – подтвердил он.

Пендергаст сел в машину и сдал назад, но остановился так, что задний бампер оказался ровно на линии.

Он вышел из машины:

– Ну вот.

Коп просверлил его взглядом:

– Вы по-прежнему на линии.

Пендергаст преувеличенно суетливо подошел к заднему бамперу, посмотрел на линию и нахмурился:

– Машина на линии, но не заходит за нее. И потом, взгляните, сколько свободных парковочных мест на улице. Кого это может волновать?

Дыхание с хрипом вырвалось из груди копа.

– Ах ты, маленький сукин сын, ты думаешь, это шуточки?

– Сначала вы обозвали меня хреном. Теперь – сукиным сыном. Мне по душе ваш метафорический язык. Но вы, кажется, забыли, что тут присутствует дама. Видимо, вашей матери следовало чаще мыть с мылом ваш красноречивый рот.

Констанс и прежде видела, как ее опекун намеренно провоцирует людей, но не так вызывающе. Она не могла понять, почему, едва начав расследование, он первым делом решил нажать себе врага в лице шефа полиции.

Полицейский подошел к нему на шаг ближе:

– О'кей. С меня хватит. Я хочу, чтобы ты убрался из этого города. Немедленно. Садись в свой пидорский автомобильчик, забирай свою девицу – и выматывайтесь из города!

– Или?

– Или я арестую тебя за бродяжничество и нарушение спокойствия.

Пендергаст громко рассмеялся, что было совсем на него не похоже:

– Нет, спасибо. Я пробуду здесь столько, сколько мне будет угодно. Вообще-то, сегодня вечером в гостинице я собираюсь посмотреть матч по бейсболу и надеюсь, что нью-йоркские «Янки» затолкают бостонских «Ред сокс» в ту помойку, из которой они тщетно пытались выбраться на протяжении всего чемпионата Американской лиги.

Воцарилась долгая, чреватая взрывом тишина. Наконец коп спокойно, уверенными движениями опустил руки к ремню и снял с него пару наручников.

– Заведите руки за спину, сэр, и повернитесь.

Тот мгновенно подчинился. Шеф полиции защелкнул наручники.

– Сюда, сэр. – Он слегка подтолкнул Пендергаста к патрульной машине.

Констанс ждала, что ее опекун скажет что-нибудь, вытащит свой жетон. Но он ничего не сделал.

– Минутку, – тихо сказала она в удаляющуюся спину полицейского.

Он остановился и повернулся.

Констанс взглянула ему в лицо:

– Если вы это сделаете, то станете самым несчастным человеком в штате Массачусетс.

Глаза полицейского широко раскрылись в притворном страхе.

– Вы мне угрожаете?

– Констанс? – произнес Пендергаст любезным, но предостерегающим тоном.

Констанс сосредоточила внимание на полицейском.

– Я вам не угрожаю, – сказала она. – Просто предсказываю вам печальное и унижительное будущее.

– И кто же этому поспособствует? Вы?

– Констанс? – произнес Пендергаст немного громче.

Она приложила огромные усилия, чтобы проглотить свой ответ и заглушить яростный рев крови в ушах.

– Сука.

Полицейский развернулся и снова двинулся к патрульной машине, сопровождая послушно идущего агента ФБР. Он открыл заднюю дверь, положил руку на голову Пендергаста и подтолкнул его на сиденье.

– Привези в участок чековую книжку, – сказал Пендергаст Констанс. – Чтобы внести залог.

Он не без труда залез в карман, вытащил ключи от машины и кинул их ей.

Патрульный автомобиль отъехал от тротуара, взвизгнув шинами, сорвался с места и помчался по Мейн-стрит. Констанс проводила его взглядом, замедлив дыхание и дожидаясь, пока не рассеется красный туман перед глазами. И только когда машина скрылась из виду, она вспомнила, что вести их родстер некому.

5

Эксмутский полицейский участок располагался в старомодном кирпичном здании на другом конце городка.

– Пожалуйста, припаркуйтесь точно по разметке, – попросила Констанс молодого человека, которого наняла, чтобы он провел машину по городу.

Пока она стояла на тротуаре, размышляя, что ей делать, этот парень смотрел на родстер разинув рот, и она предложила ему прокатиться. Он сразу же ухватился за эту возможность. И только когда он устроился на сиденье, Констанс поняла, что от него пахнет, как от рыбы.

Он поставил машину по разметке и дернул стояночный тормоз.

– Вау, – сказал он. – До сих пор не верится. Ну и машина. – Он посмотрел на Констанс. – Где вы ее взяли?

– Она не моя. Спасибо, вы настоящий джентльмен. Можете идти.

Парень медлил, и у нее возникло ощущение, что он только теперь обратил на нее внимание, шаря глазами по ее фигуре. Он был одним из этих мускулистых добропорядочных фермеров, с обручальным кольцом на правой руке.

– Слушайте, если вы свободны попозже...

– Я не свободна. И вы тоже, – сказала Констанс, забирая у него ключи.

Она вышла из машины и двинулась к полицейскому участку, провожаемая взглядом человека на парковке.

Констанс вошла в образцовую приемную, в которой на самом видном месте висели портреты губернатора и вице-губернатора, в углу стоял большой американский флаг с золотой бахромой, а на деревянных панелях стены висели почетные значки и почетные грамоты. За столом сидела миниатюрная женщина, она отвечала на телефонные звонки и пыталась выглядеть занятой. Из открытой двери за спиной женщины доносился звук телевизора, настроенного на какое-то игровое шоу.

– Чем я могу вам помочь? – спросила женщина.

– Я здесь, чтобы – как это называется? – внести залог за мистера Пендергаста.

Женщина с любопытством посмотрела на нее:

– Его сейчас обрабатывают. Прошу вас, садитесь. Можно узнать ваше имя?

– Констанс Грин.

Она села и разгладила на себе длинное платье.

Из задней комнаты вышел молодой полицейский и остановился, уставившись на Констанс. Она в ответ уставилась на него. Что-то не так с этим городком или что-то не так с ней самой? Полицейский был темноволос, похож на итальянца и выглядел задумчивым. Под ее взглядом он вспыхнул и отвернулся, отдал секретарше лист бумаги, перемолвился с ней несколькими словами и снова повернулся к Констанс:

– Вы здесь по поводу Пендергаста?

– Да.

После небольшой заминки:

– Это может занять несколько часов.

«Почему, черт побери, он до сих пор не нагнал на них страху?»

– Я подожду.

Он вышел. Женщина за столом с любопытством смотрела на Констанс. Ее явно так и подмывало заговорить, и Констанс, которая в обычной ситуации тут же отгородилась бы от нее, вдруг вспомнила, что она участвует в расследовании и сейчас у нее появилась возможность разузнать что-нибудь. Она улыбнулась секретарше, надеясь, что улыбка получилась дружелюбной.

– Вы откуда? – спросила женщина.

– Из Нью-Йорка.

– Я не знала, что в Нью-Йорке есть амиши⁴.

Констанс пристально посмотрела на нее:

– Мы не амиши.

– О, извините! Я просто подумала: мужчина в черном костюме, вы в таком платье... –

Ее голос смолк. – Надеюсь, я не задела ваших чувств.

– Ничуть.

Констанс внимательнее пригляделась к секретарше. Ей было лет пятьдесят. Алчное выражение ее лица свидетельствовало о скучной, рутинной жизни и жадности до новых слухов. Эта женщина наверняка знала обо всем, что происходит в городе.

– Мы всего лишь старомодны, – сказала Констанс с очередной вымученной улыбкой.

– Приехали отдохнуть?

– Нет. Мы расследуем похищение винной коллекции Персиваля Лейка.

Молчание.

– Этот мужчина в черном костюме – частный детектив?

– В некотором роде. А я его помощница.

Женщина занервничала.

– Так-так, – сказала она и, неожиданно напустив на себя деловой вид, начала с шумом перебирать бумаги на столе.

Вероятно, не следовало так сразу говорить о цели их приезда в городок. Констанс решила попробовать новый подход.

– Вы давно тут работаете? – спросила она.

– Двадцать шесть лет.

– Вам здесь нравится?

– Милый городок. Дружелюбный.

– А преступления часто случаются?

– Нет-нет. Почти никогда. Последнее убийство у нас произошло в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году.

– А другие преступления?

– Ну, как обычно. В основном ребята шалят. Вандализм, воровство в магазинах, употребление алкоголя до совершеннолетия – вот почти и все.

– Значит, это необычно – арестовывать кого-то за бродяжничество и нарушение спокойствия?

Женщина дрожащей рукой поправила прическу:

– Не могу сказать. Извините, у меня работа. – Она погрузилась в свои бумаги.

Констанс расстроилась. Как, скажите на милость, Пендергасту удастся делать это? Ей нужно повнимательнее разобраться в его методах.

Молодой полицейский появился ближе к вечеру и передал женщине за столом какие-то бумаги.

– Мисс Грин? – позвала женщина.

Констанс поднялась.

– Установлена сумма залога. Пятьсот долларов.

Пока Констанс выписывала чек, женщина объяснила условия и подвинула ей бумаги. Констанс расписалась.

– Теперь уже скоро, – пообещала женщина.

⁴ Амиши – религиозное движение протестантского толка, основанное на дословном толковании и следовании Библии.

Так оно и случилось: пять минут спустя в дверях появился Пендергаст, пребывавший в удивительно хорошем настроении. Пакет с гавайскими рубашками исчез.

– Превосходно, просто превосходно, – сказал он. – Идем.

Констанс не произнесла ни слова, пока они шли к машине.

– Как ты перегнала сюда машину? – спросил Пендергаст, увидев родстер.

Она объяснила.

Специальный агент нахмурился:

– Я бы хотел, чтобы ты имела в виду: в этом городке скрываются опасные личности.

– Поверь мне, этот не из них.

Они сели в машину, и тут Констанс почувствовала, как в ней нарастает раздражение. Пендергаст протянул руку в ожидании ключей, но она и не подумала отдавать их.

– Алоизий...

– Да?

– Бога ради, что ты делаешь?

– Ты о чем?

– Ты намеренно спровоцировал шефа полиции, чтобы он тебя арестовал. Несколько часов назад. И я предполагаю, ты не сказал ему, что ты агент ФБР.

– Не сказал.

– Как именно это поможет следствию?

Пендергаст положил руку ей на плечо:

– Кстати, я хочу похвалить тебя за твою сдержанность в отношении полицейского. Он очень неприятный тип. А теперь ответ на твой вопрос: это *напрямую* помогает нашему расследованию.

– Не хочешь объяснить?

– Не хочу. Все станет ясно само собой, я тебе обещаю.

– Твоя скрытность сводит меня с ума.

– Терпение! Так что, возвращаемся в гостиницу? У меня встреча с Персивалем Лейком. Ты не хочешь с нами пообедать? Наверное, умираешь с голода.

– Я поем у себя в номере, спасибо.

– Отлично. Будем надеяться, это разочарует тебя меньше, чем сегодняшний завтрак.

Они ехали по узкой проезжей части между старыми каменными стенами Новой Англии. Потом деревья разошлись, и стала видна гостиница «Капитан Гуль» – большой хаотичный дом викторианского морского капитана, серый, с белой отделкой, стоящий особняком на широком лугу, в плотном окружении кустов каролинского шиповника, усыпанного ягодами. У дома имелась большая веранда по всему периметру, с белыми колоннами и примерно дюжиной кресел-качалок лицом к океану, с видом на Эксмутский маяк, находившийся приблизительно в полумиле отсюда по берегу. На парковке, усеянной разломанными устричными раковинами, стояло несколько машин. Номер, в котором Констанс поселилась предыдущим вечером, казался ей приятно старомодным.

– Когда у тебя суд? – спросила она. – Насколько я понимаю, в таких маленьких городках обычно верят в быстрое отправление правосудия.

– Суда не будет. – Пендергаст посмотрел на нее, явно наслаждаясь выражением ее лица. – Констанс, я не пытаюсь что-то скрывать от тебя. Просто для твоего обучения моим методам будет лучше, если ты станешь наблюдать, как события разворачиваются естественным путем. Ну что, пойдём?

С этими словами он вышел из машины и открыл дверь для Констанс.

6

Персиваль Лейк задержался в дверях ресторана «Штурманская рубка» и почти сразу нашел взглядом Пендергаста среди других посетителей. Специальный агент выделялся, как большой большой палец, – весь в белом и черном среди толпы обитателей Новой Англии в полосатом и в клетку. По опыту Лейка, даже эксцентричные и необычные люди тщательно заботились о своем облике. Лишь очень немногие совершенно равнодушно относились к тому, что думают о них другие. Пендергаст был одним из немногих.

Лейку это нравилось.

Пендергаст, нахмурившись, смотрел на доску, исписанную мелом: в «Штурманской рубке» гостиницы «Капитан Гуль» не было печатных меню. Как только Лейк начал пробираться между столиками, Пендергаст поднял голову и встал. Они обменялись рукопожатием.

– Мне здесь нравится, – сказал Лейк, когда они сели. – Сосновый дощатый пол, навигационные инструменты, каменный камин. Очень уютно, в особенности теперь, осенью. Когда становится холоднее, они начинают топить камин.

– А я нахожу это заведение похожим на гроб, – возразил Пендергаст.

Лейк рассмеялся и мельком взглянул на доску с надписями:

– Вино здесь сущее пойло, но в гостинице есть прекрасный выбор из микропивоварен. Есть одно местное – очень рекомендую...

– Я не любитель пива.

Официантка – молодая женщина с коротко стриженными волосами, почти такими же светлыми, как у Пендергаста, – подошла принять у них заказ.

– Что для вас, джентльмены? – весело спросила она.

Повисло молчание, пока Пендергаст разглядывал бутылки за стойкой бара. Наконец его светлые брови взметнулись.

– Я вижу, у вас есть абсент.

– Кажется, его завезли в качестве эксперимента.

– Я выпью абсент, с вашего разрешения. Пожалуйста, проверьте, чтобы вода, которую вы принесете к нему, была свежей родниковой, а не из-под крана, и абсолютно холодной, но без льда, и не забудьте несколько кубиков сахара. Если у вас найдется ложка с прорезями и рюмка, буду вам весьма признателен.

– Рюмка, – повторила официантка, записавшая все, что просил клиент. – Сделаю, что смогу.

– Обед будем заказывать? – спросил Лейк. – Жареные моллюски здесь фирменное блюдо.

Пендергаст кинул взгляд на доску:

– Может быть, попозже.

– А мне, пожалуйста, пинту индийского светлого эля «Риптайд».

Официантка ушла, и Лейк обратился к Пендергасту:

– Поразительная внешность. Она здесь новенькая.

Он заметил, что специальный агент не проявил к этому ни малейшего интереса, будто и не слышал.

Лейк откашлялся:

– Вас вроде бы сегодня арестовали. Весь город только об этом и говорит. Вы тут навели шороху.

– Вот уж точно.

– Я полагаю, у вас были свои соображения.

– Естественно.

Молодая официантка вернулась с напитками и поставила перед Пендергастом все, что он просил: рюмку, ложечку (правда, без прорезей), блюдечко с кубиками сахара, маленький графин с водой и абсент в высоком стакане.

– Надеюсь, вас устроит, – сказала она.

– Достойные усилия, – похвалил ее специальный агент. – Благодарю.

– Похоже, вы собираетесь провести какой-то химический эксперимент, – сказал Лейк, глядя на Пендергаста, совершавшего необходимые приготовления.

– Да, тут без химии не обошлось, – ответил тот.

Он положил кубик сахара в ложечку, которую установил на краях рюмки с абсентом, и принялся осторожно поливать сахар водой.

На глазах у Лейка зеленоватая жидкость помутнела. Над столиком поплыл запах аниса, и скульптора пробрала дрожь.

– В абсенте присутствуют определенные травяные экстракты на масляной основе, которые растворяются в алкоголе, но имеют низкую растворимость в воде, – объяснил Пендергаст. – Они выделяются из раствора, когда вы добавляете воду, создавая мутность, или *louche*.

– Я бы попробовал, но я ненавижу лакрицу. Разве полынь не вызывает мозговые повреждения?

– Мозговые повреждения вызывает сам процесс существования.

Лейк рассмеялся и поднял свой стакан:

– В таком случае за Эксмут и загадку замурованного скелета.

Они чокнулись. Пендергаст пригубил абсент и поставил рюмку.

– Я обратил внимание на некоторую вашу беспечность, – сказал он.

– В каком смысле?

– Вы потеряли ценнейшую винную коллекцию. Обычно люди после таких ограблений испытывают беспокойство, огорчение. Но вы, похоже, пребываете в хорошем настроении.

– А почему бы и нет, если вы ведете следствие? – Лейк отхлебнул пиво. – Пожалуй, я действительно легко отношусь к жизни. Научился этому, когда рос.

– А где вы росли?

– В Аутпосте, штат Миннесота. Ничего себе названьице⁵, правда? Всего в двадцати милях к югу от Интернэшнл-Фоллс. Население сто двадцать человек. Зимы – чистый Кафка. Чтобы выжить, ты либо пьешь и сходишь с ума, либо учишься принимать жизнь такой, какая она есть. – Лейк хмыкнул. – Большинство из нас выбирали последнее. – Он сделал еще глоток пива. – Рядом с городком расположен карьер. Там я научился работать с камнем. Между ноябрем и апрелем много времени – занимайся чем хочешь.

– А потом?

– А потом я, мальчик с фермы на Среднем Западе, отправился в Нью-Йорк, чтобы сделать карьеру в искусстве. Это случилось в начале восьмидесятых, и я попал в струю. То, что было старым, снова становится новым – такова была моя идея. Какой безумный город! Я становился все успешнее, и мне ударило в голову – деньги, слава, вечеринки, весь этот безобразный, претенциозный мир городского художника. – Лейк покачал головой. – Как и все остальные, я подсел на кокаин. Но наконец проснулся. Я понял: если не сделаю что-нибудь, не вырвусь из этой среды, то навсегда потеряю мою музу.

– Как вы попали сюда?

– Я познакомился с замечательной девушкой, которая устала от Нью-Йорка так же, как и я. Ребенком ее на лето увозили в Ньюберипорт. Мы купили дом при маяке, отремонтировали его, а остальное – история. Мы имели успех – Элиза и я. Боже, как я ее любил. Каждый день тоскую по ней.

⁵ Английское Outpost означает «аванпост», «боевое охранение».

– Как она умерла?

Лейка немного покорибила прямолинейность вопроса и использование слова «умерла», тогда как все другие использовали эвфемизм «ушла».

– Рак поджелудочной железы. Ей поставили диагноз, а через три месяца ее не стало.

– Вам никогда не бывает здесь скучно?

– Если вы по-настоящему хотите быть художником, то вы должны работать в тихом месте. Вы должны уйти от мира, подальше от всякого вранья, кураторов, критиков, тенденций. А на практическом уровне мне к тому же требуется пространство. Я работаю с крупными формами. И я уже говорил о превосходном источнике розового гранита прямо здесь, поблизости. Я могу приехать на карьер и выбрать нужный мне камень, они его вырезают, как мне требуется, и доставляют сюда. Роскошный материал.

– Я немного знаком с вашими работами, – сказал Пендергаст. – Вы не боитесь избегать модного и сиюминутного. И у вас великолепное чувство камня.

Лейк вдруг понял, что краснеет. Он чувствовал, что этот человек крайне скуп на похвалы.

– А ваш новый друг, миз⁶ Хинтервассер? Как вы с ней познакомились?

Это становилось слишком уж личным.

– После смерти Элизы я отправился в круиз. Там с ней и познакомился. Она как раз перед этим развелась.

– И она решила переехать к вам?

– Это я ее пригласил. Не люблю одиночества. Да и безбрачие совсем не для меня.

– Она разделяет вашу любовь к винам?

– Она предпочитает «дайкири» и «маргариту».

– У кого из нас нет недостатков? – заметил Пендергаст. – А сам город? Как бы вы его охарактеризовали?

– Тихий. Никого здесь особо не интересует, что я довольно известный скульптор. Я могу заниматься своим делом, и меня никто не беспокоит.

– Но?..

– Но... я думаю, что у всех маленьких городов есть своя темная сторона. Любовные романы и старая вражда, мошеннические сделки по недвижимости, некомпетентные члены муниципального управления – ну, вы знаете, отцы города на манер Новой Англии – и, конечно, шеф полиции, который большую часть своего времени выписывает штрафы приезжим, чтобы собрать деньги на свое жалованье.

– Вы мне уже говорили кое-что о шефе полиции.

– Ходят слухи, что в Бостоне он вляпался в неприятности. Этого было недостаточно, чтобы его уволить, но карьерные перспективы накрылись. Он немного мужлан, хотя с годами приобрел некоторый внешний лоск.

– И что за неприятности?

– Говорят, он прибегнул к чрезмерному физическому воздействию на подозреваемого, насилием или угрозами выжал из него признание в том, чего тот не совершал. Анализ ДНК впоследствии оправдал подозреваемого, и его освободили, он отсудил немалые деньги у города.

– А его помощник?

– Гэвин? – Лейк помедлил. – Он хороший парень. Тихий. Родился в Эксмуте. Его отец был шефом полиции. Гэвин получил высшее образование – кажется, окончил Массачусетский университет в Бостоне. Неплохо успевал, специализировался на уголовном праве. Все ждали от него чего-то выдающегося, а он вернулся сюда работать в том самом подразделении, которое возглавлял прежде его отец, и городу это пришлось по душе, должен я добавить. Он явно нацелился на место Мурдока. – Лейк помолчал. – Готовы перекусить?

⁶ Миз – обращение к женщине неизвестного семейного статуса.

Еще один взгляд на доску.

– Позвольте спросить, в городе есть ресторан получше?

Лейк рассмеялся:

– Вы сидите в высшем классе. Они не могут выйти за пределы представления о меню среднего паба в Новой Англии: жареная треска, бургеры, жареные моллюски. Но в кухне появился новый человек, говорят, отставной моряк. Может, с его приходом меню улучшится.

– Посмотрим.

Лейк смерил его взглядом:

– Меня одолевает любопытство на ваш счет, мистер Пендергаст. Не могу определить ваш акцент. Я знаю, вы южанин, но точное место мне не нащупать.

– Это новоорлеанский акцент, приобретенный во Французском квартале.

– Понятно. А что привело вас в Нью-Йорк? Если вы не возражаете против моих вопросов.

По лицу собеседника Лейк понял, что тот возражает.

– Я приехал в Нью-Йорк несколько лет назад для проведения расследования. Нью-йоркское управление попросило меня остаться.

Пытаясь вернуться на более безопасную почву, Лейк спросил:

– Вы женаты? Дети есть?

И тут же увидел, что зашел слишком далеко. Любезное выражение исчезло с лица Пендергаста, и он долго молчал, прежде чем ответить «нет» таким голосом, от которого вода бы замерзла.

Лейк попытался скрыть смущение, глотнув еще пива.

– Тогда поговорим о расследовании. Мне любопытно, есть ли у вас какие-то теории насчет того, кто это сделал.

– Никаких теорий, которые были бы состоятельнее досужих спекуляций. – Пендергаст огляделся, и в его глазах вновь вспыхнул интерес. – Возможно, было бы разумнее, если бы вы рассказали мне о людях в этом зале.

Эта просьба застала Лейка врасплох.

– Вы имеете в виду их имена?

– Имена, краткие биографии, характерные особенности.

Лейк заказал вторую порцию пива, на сей раз индийского светлого эля «Тандерхед». Он проголодался, и ему требовалось что-нибудь съесть. Он подался вперед:

– В этом ресторане есть одна вещь, которую они не могут испортить: устрицы в половинке раковины.

Услышав это, Пендергаст оживился:

– Прекрасное предложение. Давайте закажем две дюжины.

Лейк помахал официантке, она подошла и приняла заказ. Он снова наклонился вперед:

– Давайте начнем. Новая официантка...

– Зачем нам обсуждать официантку? Кто следующий?

– Хм... – Лейк оглядел зал. Лишь два столика были заняты, если не считать бармена за стойкой и посетителя у бара. – Бармена зовут Джо Данвуди. Данвуди – старая эксмутская семья, известная еще с колониальных времен. Его брат Дана – один из избранных членов муниципалитета и к тому же довольно проницательный адвокат. Сердить его не советую.

– А если рассердить?

– Тогда вы можете не получить разрешение на гараж, который собираетесь построить. Или к вам может заявиться санитарный инспектор и перекрыть вам канализацию. Мелочь, но действует на нервы.

– Дальше.

Лейк огляделся:

– Видите ту грудастую женщину в углу со стаканом «Севен энд Севен»? Долорес Клейбрук. Городская сплетница. Жуткая женщина, самая настоящая ехидна. Ее семья когда-то была одной из богатейших в городе, сделала деньги в Глостере на строительстве судов. Одна из ветвей семьи переехала сюда и занялась ловлей трески. Их закат начался вместе с закатом трески. Она последняя из оставшихся. Похоронила троих мужей. Если вы ей подмигнете и ущипнете ее за задницу, то она так разговорится – не остановишь.

– Может, как-нибудь в другой раз. Дальше?

– Пара за столиком у окна – Марк и Сара Лилли. Он владелец местного страхового агентства, занимается небольшими инвестициями в город. Кроме того, у них есть еще бизнес – услуги по финансовому планированию. Семья тоже старинная, как почти все эксмутские семьи. А родом они из Олдема.

– Из Олдема?

– Это небольшой городок, он находился на Кроу-Айленде, к югу отсюда. Разрушен ураганом в тридцать восьмом году. Большинство жителей обосновались в Дилл-Тауне, который перед этим был заброшен. Семья Лилли с тех пор надежно слилась с голубой кровью Эксмута, вернее, с теми, кто претендует на это звание.

Пендергаст показал на сидящего у бара человека в твидовом пиджаке:

– А этот довольно забавный человек с кожаными заплатками на локтях?

– Он не местный, сразу видно. Англичанин. Приезжал сюда несколько недель назад, проводил историческое расследование одной морской тайны, довольно известной в этих краях. Теперь вот вернулся, не знаю зачем.

– Что за морская тайна?

– Исчезновение в тысяча восемьсот восемьдесят четвертом году парохода «Пембрукский замок», шедшего из Лондона в Бостон. Он пропал ночью во время урагана где-то между Кейп-Элизабет и Кейп-Энн. Не было найдено ни малейших следов, ни одной сломанной реи. Люди приезжают иногда, пытаются понять, что случилось. Это напоминает «Летучего голландца» или «Марию Селесту»⁷.

– Занятно. А как зовут джентльмена?

– Моррис Маккул.

– Вы с ним знакомы?

– Нет. Но должен сказать, в нем есть что-то подозрительное. Если бы он не был чужаком, то именно его я в первую очередь заподозрил бы в краже моего вина. Моррис Маккул... какое-то вымышленное имя, вам не кажется?

– Напротив, никто не стал бы изобретать себе такой псевдоним.

Лейк замолчал, потому что официантка принесла большое блюдо с сырыми устрицами на подстилке из толченого льда, кувшинчик со сборным соусом, тертый хрен и дольки лимона.

– Вы как будете есть? – спросил Лейк.

– Только с лимоном, и ни с чем другим.

– Вот это правильно.

Лейк выжал лимон на лоснящиеся жирные устрицы, наблюдая, как заворачиваются их края под воздействием кислоты.

– После вас.

Пендергаст взял одну устрицу, быстрым движением поднес раковину ко рту, беззвучно высосал устрицу, с кошачьим изяществом положил пустую раковину и отер губы.

Лейк тоже взял устрицу, и они погрузились в молчание, высасывая одну устрицу за другой, пока на блюде не остались одни поблескивающие пустые раковины.

⁷ «Мария Селеста» – корабль, покинутый экипажем по невыясненной причине и найденный 4 декабря 1872 года в 400 милях от Гибралтара кораблем «Деи Грация». Классический пример корабля-призрака.

Пендергаст в последний раз отер губы, сложил салфетку и посмотрел на часы:

– Мне пора. Это было замечательно, спасибо за ваше предложение.

– Я был рад.

В этом человеке было что-то такое, что Лейк находил удивительно привлекательным: резко очерченное мраморно-белое лицо, черный костюм, строгий взгляд... и не в последнюю очередь его пристрастие к устрицам.

7

Моррис Маккул покинул гостиницу «Капитан Гуль», чувствуя пустоту в желудке, хотя там и лежал тяжелой массой пастуший пирог. Здешняя еда была пародией на настоящую, но его приятно поразило разнообразие местных сортов пива и элей, имеющихся теперь в Америке; в его прошлый приезд, двадцать лет назад, ему с трудом удавалось найти что-нибудь иное, кроме «Курса».

Маккул любил пешие прогулки. У себя дома в Пенрите, графство Камбрия, он после обеда всегда отправлялся на прогулку, считая, что это способствует пищеварению. Он был большим поклонником свежего воздуха и физических упражнений, и именно во время таких послеобеденных прогулок к нему приходили многие из его исторических идей и прозрений.

Но у теперешней его прогулки имелась определенная цель. Он вытащил из кармана нарисованную от руки карту, внимательно рассмотрел ее, сориентировался и двинулся к выкрашенной в серебристый цвет деревянной лестнице, ведущей с обрыва к берегу.

Волны размеренно, с рокотом и шипением накатывали на берег, потом отступали в ряби солнечных бликов, чтобы накатить снова. Держась песчаной полосы, сцементированной океанической влагой отлива, Маккул шел вдоль берега к обширным болотам, раскинувшимся в том месте, где река Эксмут впадала в залив. Пресловутые зеленоголовки, неистовствовавшие во время дневной жары, к прохладному октябрьскому вечеру удалились на покой.

Маккул с удовлетворением вдыхал соленый воздух. Он подошел уже так близко... так близко. Хотя и оставались еще некоторые странные, даже почти необъяснимые моменты, он не сомневался, что разгадал главную тайну.

Берег был пустынным, если не считать небольшой фигуры позади него, тоже наслаждающейся вечерней прогулкой. Эта фигура появилась как-то неожиданно со стороны болот. Маккулу не хотелось, чтобы кто-то видел, куда он направляется, и он ускорил шаг, чтобы оторваться от этого человека. Он вдруг заметил, что маяк на берегу начал мигать, – видимо, с заходом сработала автоматика. Оранжевый диск солнца погружался в тощие сосны вдоль края болота.

В том месте, где лента Эксмута вливалась в океан, берег вдавался внутрь континента. Поток, вытекающий из широкого устья вместе с отливом, обнажал темно-серые заиленные участки, от которых исходил густой, хотя и не такой уж неприятный запах. Маккул повернул от океана и, оглянувшись, с удивлением увидел, что фигура гораздо ближе к нему, чем он думал. Этот человек, вероятно, шел быстрым шагом, даже бежал трусцой, чтобы настолько приблизиться к нему. Он что, пытается его догнать? Даже с такого расстояния Маккулу не понравился вид этого человека.

Едва заметная тропинка пролежала по болотной траве вдоль кромки деревьев, и Маккул еще больше ускорил шаг. Человек отставал от него ярдов на сто, на нем была грубая и довольно неприглядная одежда. По крайней мере, такое у Маккула создалось впечатление после мимолетного взгляда.

Он шел по тропинке, сверяясь со своей примитивной картой. За следующим изгибом устья находилась портовая зона девятнадцатого века, давно заброшенная. Маккул повернул туда и увидел верхушки старых деревянных свай, уходящие параллельными рядами в залив; настил давно исчез. Вдоль берега лежали – и будут лежать здесь до скончания времен – массивные гранитные груды из грубо отесанных камней, гранитные основы погрузочных доков и причалов, разрушенный рыбообрабатывающий завод. Маккул еще раньше тщательно зарисовывал эту зону, используя исторические документы и фотографии, чтобы воссоздать вид портовой зоны в 1880-е годы. Сюда приходили траулеры и сейнеры, каботажные суденышки, здесь они вели торговлю, пережив в конце девятнадцатого – начале двадцатого века затяжной эко-

номический кризис, наступивший с концом золотой китобойной поры. Умирающий порт в конечном счете не выдержал удара печально знаменитого урагана «Янки Клиппер» 1938 года⁸. Нынешний порт был построен выше по устью, в более защищенном месте. Но город по большому счету так и не пришел в себя.

Когда Маккул заметил впереди гниющие пирсы, за его спиной раздался какой-то звук, он повернулся и увидел приближающегося к нему с неумолимой скоростью человека. И теперь разглядел, насколько это необычный и пугающий тип: странным образом перекошенное лицо, жесткая щетка рыжих волос, беспокойные влажные губы, толще с одной стороны, чем с другой, россыпь неприятного вида веснушек, треугольная борода и выступающий лоб с кустистыми сросшимися бровями. Маккул думал, что знает всех жителей городка, но этого видел в первый раз. Такие личности встречаются в ночных кошмарах.

В одной руке этот тип держал штык, который вытащил из ножен с металлическим звоном, быстро приближаясь со сверкающими глазами.

Непроизвольно вскрикнув от недоумения и страха, Маккул развернулся и побежал к старому пирсу. Его преследователь тоже перешел на бег, не отставая, но и не приближаясь, словно он гнал Маккула вперед.

Маккул закричал, призывая помощь, закричал еще раз, но он ушел далеко от городка, и его голос тонул в необъятных болотах за гниющими пирсами.

Пытаясь уйти от преследователя, он спрыгнул с тропы, вскарабкался по склону над первым пирсом, перепрыгнул через каменный фундамент, прорвался через густые заросли малины. Судя по звукам, преследователь не отставал от него.

– Что вам надо? – крикнул Маккул, но ответа не получил.

Колючки цеплялись за его брюки и рубашку, царапали лицо и руки. Он вырвался из зарослей и побежал вдоль насыпи, мимо гниющего рыбного склада с провалившейся крышей, клубка ржавых тросов и цепей.

Это было какое-то безумие. Его преследовал сумасшедший.

Маккул в панике вскрикнул, хватая ртом воздух. В ужасе он перепрыгнул через еще один разрушенный фундамент, покатился, потом побежал по склону насыпи, а затем припустил в широкую зону, поросшую осокой. Может, ему удастся уйти от преследователя в высокой траве. Маккул мчался, отчаянно работая руками, чтобы продраться сквозь густые заросли. Он оглянулся: рыжеволосый псих со штыком в руке продолжал преследование, его глаза горели как угли, трава словно бы и не мешала его продвижению.

– Помогите! – закричал Маккул. – Кто-нибудь, помогите!

Из камышовых зарослей выпорхнула стая черных дроздов – спутанная масса хлопающих крыльев. Безнадежно: ему не уйти от упорного преследователя, который загонял его все дальше и дальше в болото.

Вода! Если бы он смог добраться до воды! Он был прекрасным пловцом. Возможно, псих плавает хуже.

Маккул свернул влево, к центру болота. Трава здесь была такая высокая, что он ничего не видел перед собой, и он осторожно пошел вперед, разводя острую траву руками, почти не замечая порезов и царапин. Он продвигался все дальше, слыша позади, не более чем в дюжине футов, треск и шелест, производимые его преследователем. Залив или канал, прорытый в болоте, должны быть совсем рядом. Что-нибудь, бога ради, что-нибудь...

И вдруг трава закончилась – он вырвался на илистую отмель, протянувшуюся на пятьдесят ярдов до стремительного потока воды.

⁸ Ураган 1938 года – один из сильнейших ураганов, отмеченных в Новой Англии. По оценкам, ураган убил около 800 человек, разрушил или значительно повредил 57 тыс. домов.

Выхода не было. Маккул прыгнул в грязь и погрузился по колени. Вскрикнув от страха, он с трудом двинулся дальше, проваливаясь, погружаясь все глубже, размахивая руками. Он повернул голову и увидел рыжеволосого уроды – тот стоял на границе зарослей травы со штыком в руке, его лицо искажала карикатурная ухмылка.

– Кто вы?! – прокричал Маккул.

Человек отступил назад в траву и исчез из виду.

Несколько секунд Маккул простоял в грязи, хватая ртом воздух, кашляя, уперев руки в колени, чувствуя, что его легкие готовы разорваться. Что делать дальше? Он огляделся. Пятьдесят футов отделяли его от канала, по которому двигался грязевой поток, уходящий с отливом в океан. По ту сторону канала распростерлось бесконечное болото.

Он ни за что не вернется в кошмар травы – там наверняка прячется маньяк. И в то же время единственный путь из этого ада лежал назад через траву. Правда, можно было добраться до воды и уплыть в залив.

Маккул стоял, слыша, как колотится сердце. Смеркалось, вода струилась в залив, дрозды с криками кружили в небе.

Он двинулся к каналу. По мере приближения к его краю грязь становилась тверже. Маккул помедлил. Грязь была холодной, а вода – еще холоднее. Но выбора у него не оставалось.

Он вошел в воду. Почувствовал ее холод. Сделал еще несколько шагов, позволяя потоку подхватить его, и наконец поплыл по течению. Твидовый пиджак, пропитавшиеся грязью брюки и тяжелые кожаные ботинки затрудняли его движения. Но он был опытным пловцом, держался над поверхностью и делал размашистые гребки руками, увеличивая скорость. Канал сужался, поток ускорялся, трава подступала все ближе с обеих сторон. Маккул направлялся к морю. Только на этом он и мог сосредоточиться. Слава богу, вскоре он увидит берег, сможет выйти из воды и добраться до безопасной гостиницы.

Прилагая отчаянные усилия, он преодолел еще один поворот канала, и вдруг трава раздвинулась и из нее появилась фигура: рыжие волосы, искаженное ухмылкой лицо, горящие желтые глаза, сверкающий штык.

– Господи, нет. Нет! – закричал Маккул и принялся загребать к противоположному берегу канала, хотя поток нес его в сторону насыпи, где стояла фигура.

Он продолжал работать руками, даже когда фигура прыгнула, как хищник, в воду и набросилась на него, даже когда холодная, словно сосулька, сталь вонзилась ему в живот.

8

Индира Ганеш получила косточку накануне поздно вечером и занималась ею всю ночь и весь день. Сейчас было десять вечера, она проработала уже почти тридцать часов подряд, но совсем не чувствовала усталости. Ей нравилось трудиться по ночам, когда в ее лаборатории в Музее Пибоди на Дивинити-авеню в Кембридже⁹ стояла тишина, как в храме. В такой обстановке работа напоминала медитацию или даже молитву. А когда вокруг толклись люди, Ганеш работала медленно, неэффективно.

К тому же эта косточка являла собой загадку того рода, какие ей нравились. С этой косточкой не поступило никакой информации, даже не было сказано, человеческая ли она. Ганеш понятия не имела, кому потребовался анализ и зачем. Она знала только, что косточку принес ей лично Говард Кресс, завкафедрой факультета человеческой эволюционной биологии и ее босс, и при этом таинственно сказал, что если получит полный и точный анализ к послезавтрашнему утру, то будет считать это важнейшей личной услугой.

У Ганеш было все необходимое оборудование и приборы, и она тут же приступила к работе. Идентифицировать кость как дистальную фалангу указательного пальца правой руки человека было совсем нетрудно. Затем вопросы становились сложнее, а ответы на них давались труднее. Ганеш всегда казалось, что кости, с которыми она работает, нашептывают ей, горят желанием рассказать свою историю. Теперь она знала всю историю этой косточки... или, по крайней мере, все, что ей удалось выяснить за тридцать часов.

Ганеш склонилась над компьютером, собираясь написать предварительный отчет, и в этот момент ее охватило странное чувство, будто у нее за спиной кто-то есть, – почти физическое ощущение чьего-то взгляда на себе. Она повернулась и охнула: в дверях стоял высокий бледный человек с поразительным лицом.

– Доктор Ганеш? Извините за беспокойство. Моя фамилия Пендергаст. Это меня интересует пальцевая кость.

Она приложила руку к груди:

– Вы меня так напугали.

– Можно мне присесть?

Она неуверенно посмотрела на него, и тогда он вытащил из кармана жетон специального агента ФБР.

– Прошу вас, – сказала Ганеш, указывая на стул. – Но как вы попали сюда? Музей закрыт.

– Вероятно, кто-то забыл запереть дверь. А теперь, если не возражаете, не могли бы мы поговорить о кости?

– Я как раз начала писать отчет.

Человек махнул рукой:

– Я бы предпочел выслушать результаты от вас. Я немного спешу.

– Хорошо. – Она помедлила, приходя в себя от неожиданности, собираясь с мыслями, решая, с чего начать. – Прежде всего, судя по размеру и прочности, кость принадлежала мужчине. Человеку с большими, крепкими руками. Места прикрепления мышц настолько ярко выражены, что я с уверенностью могу сказать: этот человек каждый день занимался физическим трудом, тяжелой работой, которая подразумевала хватательные и удерживающие движения.

– Интересно.

⁹ *Музей археологии и этнологии Пибоди* – музей при Гарвардском университете в городе Кембридж, штат Массачусетс. Назван в честь Джорджа Пибоди – бывшего добровольца американской армии, затем лондонского банкира, пожертвовавшего исключительную для XIX века сумму в 8 млн долларов на образовательные цели.

– Дистальный кончик кости был сильно стерт перед самой смертью. Я никогда не видела ничего подобного и объяснить вам причину не могу.

Бледный человек немного помолчал, прежде чем заговорить:

– Человек, которому принадлежал палец, был замурован заживо.

Ганеш подалась вперед:

– Неужели?

Кивок.

– Значит, вы расследуете убийство?

– Но довольно давнее.

– Понятно. – Она откашлялась. – Кость хорошо сохранилась и содержит много коллагена. Я провела радиоуглеродный анализ. Кость относится к сравнительно недавнему времени. Поэтому возраст определить затруднительно, но, видимо, этой кости около ста сорока лет, плюс-минус двадцать.

– И насколько я понимаю, сузить поле ошибки невозможно.

– Вы правы. Радиоуглеродный анализ хорош для артефактов возрастом от пятисот до пятидесяти тысяч лет. Границы погрешностей удлиняются по обоим концам.

– Вы использовали бета-радиометрию или масс-спектрометрию?

Ганеш это позабавило. Человек попытался блеснуть своими знаниями, но их хватило лишь на то, чтобы задать глупый вопрос.

– Поскольку в данном случае анализируется сравнительно молодой артефакт, более или менее точные результаты может дать только масс-спектрометрия с использованием ускорителя.

– Понятно.

И тут она подумала: может, он не так уж и глуп, может, он просто проверял ее. Какой странный и интригующий человек.

– При таком большом количестве коллагена и отсутствии загрязнения мне удалось получить очень неплохие результаты по ДНК. Кость определенно принадлежала человеку мужского пола с семьюдесятью пятью процентами африканского происхождения, остальные двадцать пять процентов – западноевропейское.

– Занятно.

– Это типично для афроамериканцев – почти все они имеют смешанную кровь. У него предположительно была темная, но не черная кожа.

– А возраст?

– Гистологический анализ указывает на возраст около сорока лет. Еще он обладал превосходным здоровьем, если исключить несколько коротких, но сильных приступов болезни в молодости. Тонкий срез, который я изучала, указывает, что он, возможно, переболел цингой – острая нехватка витамина С.

– Значит, он был моряком?

– То, что мы имеем, указывает на эту профессию. Тот же изотопный анализ показал, что человек потреблял много рыбы, моллюсков и ракообразных, пшено и ячмень.

– На основании чего вы сделали такие выводы?

– То, что вы съедаете и выпиваете, распадается в организме, причем углерод, кислород и азот откладываются в костях. Три этих элемента имеют различные устойчивые соотношения изотопов, различающиеся в зависимости от вида пищи и источников воды. На основании соотношений этих изотопов мы можем определить, что ел и пил человек в течение, скажем, последних двадцати лет его жизни.

– Пил?

– Да. По мере того как вы поднимаетесь выше по долготе, соотношение изотопов кислорода в питьевой воде меняется.

– Интересно. И с какой широты вода, которую он пил?

– От сорока до пятидесяти пяти градусов. В Северной Америке это соответствует приблизительно береговой линии от Нью-Джерси до Ньюфаундленда и территории западнее этой линии. Этот тест не очень точен.

– А питание?

– Пшено в основном он получал из хлеба, а ячмень, скорее всего, из пива. Добавьте рыбу и другие морепродукты – и вы получите классическую диету прибрежного жителя середины девятнадцатого века. Я проверяла кость на наличие антител. Получила положительный результат на малярию.

– Малярия опять же свидетельствует о том, что это моряк. Разве нет?

– Совершенно верно. И еще положительный результат на туберкулез.

– То есть он переболел туберкулезом?

– Нет, он был слишком здоровым. Практически любой человек, живший в те времена в портовом городе, при тестировании показал бы положительные результаты на туберкулез. Все находились в группе риска.

– Понятно. Что-нибудь еще?

– Если свести все это воедино, то я бы сказала, что мы имеем здесь дело с крупным, сильным, здоровым сорокалетним афроамериканцем, по профессии моряком, который работал руками, возможно, был рулевым или марсовым, и происходил он, вероятно, из довольно благополучного социально-экономического класса, поскольку мы не видим следов плохого питания, если исключить цингу. Он родился около тысяча восемьсот сорокового года и умер около тысяча восемьсот восьмидесятого. Если не находился в море, то жил в прибрежном городе. По крайней мере часть времени на море он проводил в тропиках.

Агент ФБР задумчиво кивнул:

– Превосходно, доктор Ганеш. Воистину превосходно.

– Кости говорят со мной, мистер Пендергаст. Они рассказывают мне свои истории.

Бледный человек поднялся:

– Спасибо. Вы очень помогли. А теперь, если не возражаете, я хотел бы забрать образец.

Ганеш улыбнулась:

– Я бы и рада удовлетворить вашу просьбу. Но дело в том, что каждый вопрос, который я задаю, съедает крохотный кусочек кости. Кость рассказывает свою историю и понемногу умирает. К сожалению, эта кость, рассказав свою историю, перестала существовать. – Она развела руками.

Бледный человек тут же взял одну ее руку в свою, холодную и гладкую на ощупь:

– Я склоняю голову перед вашим умением говорить с мертвыми, доктор Ганеш. – И поцеловал ей руку.

После его ухода Ганеш еще долго ощущала прилив крови к лицу и жар.

9

Констанс вошла в дверь, остановилась и нахмурилась, выразив свое инстинктивное неодобрение. Это место скорее напоминало лавку старьевщика, чем историческое общество. На стенах было развешено много разных вещей: выцветшие карты, старые сети, буйки, гарпуны, багры, рога нарвала, парусные иглы, панцирь гигантского омара на дощечке, еще одна дощечка с образцами морских узлов, старинные фотографии Эксмута. В середине музея располагалась рыбацкая плоскодонка длиной около двадцати футов, с несколькими рядами весел между деревянными шкантами.

Когда Констанс вошла, раздался звон дверного колокольчика, и вскоре перед ней предстал нетерпеливый седовласый человек с довольно крупными ушами, прилепленными к узкому костлявому лицу. На бейджике значилось: «Кен Уорли, волонтер».

– Приветствую вас, – сказал волонтер, появляясь в поле зрения Констанс и предлагая ей брошюру. – Добро пожаловать в Эксмутское историческое общество и музей!

Стараясь быть вежливой, Констанс взяла брошюрку и пробормотала:

– Спасибо.

Она начала внимательно разглядывать лодку, надеясь, что волонтер исчезнет.

– Прекрасная плоскодонка, вам не кажется? «И старика с прозреньем в угол бросят»¹⁰. Это девиз нашего маленького музея.

Проанализировав перевернутую шекспировскую строку, Констанс машинально поправила его:

– «С презреньем».

Внезапное молчание.

– Вы уверены? Я должен это перепроверить.

– Не нужно ничего перепроверять, – сказала Констанс. – Вы ошиблись.

Замолчав на время, Кен Уорли отступил к своей груди брошюр и занялся большим регистрационным журналом – открыл его и принялся листать. Констанс, изучавшая старинные карты Эксмута и окрестностей, висящие в рамках, чувствовала, что он в нокдауне, но не нокаутирован.

– Вы не хотите назвать свое имя для специальных рассылок и извещений о мероприятиях? – спросил он, показывая на регистрационный журнал.

– Нет, спасибо. Я тут подумала, а где вы храните архивы?

Уорли моргнул:

– У нас нет архивов.

– У города нет никаких бумаг? Кадастровых книг? Регистрации браков?

– К сожалению, архивы были утрачены во время страшного урагана тридцать восьмого года. Его называют «Янки Клиппер». Он уничтожил старые городские доки, разрушил полгорода. В Эксмутском заливе до сих пор можно увидеть руины. Живописное зрелище, на свой манер.

– Значит, кроме этого, у вас ничего нет?

– Может показаться, что это не много, но каждый экспонат здесь имеет свою историю. Например, эта плоскодонка из Ньюберипорта, которой вы восхищались, использовалась для охоты на больших синих китов. Когда замечали китов у Кроу-Айленда, люди бежали к берегу, спускали эти плоскодонки на воду, преследовали кита, вонзали в него гарпун и тащили на

¹⁰ У. Шекспир. Как вам это понравится. Искраженная цитата в переводе Т. Щепкиной-Куперник.

берег, разделявали его прямо там. Вы представьте, сколько для этого требовалось мужества, силы – «Назло Фортуне, сотрясая меч, дымящийся кровавою»¹¹ приправой!

– «Расправой».

Молчание.

– Я абсолютно уверен, что «приправой», – сказал Уорли непреклонным тоном. – В молодости я был драматическим актером, а потом двадцать лет служил режиссером в старом Эксмутском театре.

Чувствуя, как в ней нарастает раздражение к этому назойливому человеку, Констанс проигнорировала его и вернулась к экспонатам, разглядывая помещенные в рамочки изображения кораблей, статьи, посвященные штормам, обломкам кораблей и легендам о захороненных пиратских сокровищах. Краем глаза она увидела, что Уорли уселся на свой стул с регистрационным журналом и занялся кропотливым надписыванием конвертов от руки. Она надеялась, что этой работы ему хватит по крайней мере до того времени, когда она закончит осматривать музей.

Ее вдруг посетила неожиданная мысль: «А как бы повел себя Пендергаст в такой ситуации?» Смог бы он почерпнуть хоть что-нибудь из этих убогих экспонатов и старых газетных статей? Не упускает ли она что-нибудь? Констанс огляделась, и тут ей пришло в голову, какую выгоду мог бы извлечь Пендергаст из подобной ситуации. Это понимание заставило ее покраснеть от досады. Она посмотрела на Уорли, все еще занятого надписыванием конвертов.

– Мистер Уорли...

Он поднял глаза:

– Да?

И все же метод Пендергаста был труден. Для нее он был совершенно неестественным.

– Я подумала и пришла к выводу, что вы правы, – выдавила из себя Констанс. – Там «приправой».

Его лицо прояснилось.

– Я много раз играл Макбета.

– В Эксмутском театре?

– Да, а один раз и в Бостоне, в театре «Маркет-Сквер». При аншлаге.

– В Бостоне? – Пауза. – Я всегда хотела быть актрисой, но вот возможности такой не представилось. Не могу понять, как вы запоминаете столько текста.

Безусловно, мотивы этого подхалимского заявления были очевидны. И все же Уорли кивнул.

– Есть всякие способы, – сказал он. – Различные хитрости профессии. На самом деле все не так уж трудно.

Лизоблюдство претило ей абсолютно, но Констанс обнаружила, что ее неприятие несколько смягчается наблюдением за Уорли, чей холодный оскорбленный вид мигом исчез.

– Вы, наверное, всех в городе знаете, – заметила она.

– Конечно! Ничто не сплачивает город так, как театр.

– Какая удача! Так получилось, что у меня особенный интерес к маякам, и я подумала, может, вы знаете что-нибудь о местном маяке.

– Эксмутский маяк – один из самых старых в Новой Англии, – рассудительно сказал Уорли. – Его построили в тысяча семьсот четвертом году по приказу самой королевы Анны. Побережье в этих местах опасно. Много кораблей пропало.

– Я надеялась найти здесь список зрителей маяка и их собственности.

– Сомневаюсь, что кто-то составлял официальный список.

Констанс вспомнила, о чем говорил ей Пендергаст за завтраком.

¹¹ У. Шекспир. Макбет. Перевод М. Лозинского.

– А кто был зрителем около тысячи восемьсот восьмидесятого года?

Молчание.

– Почему тысяча восемьсот восьмидесятого?

Она пережала. Вот в чем состояла главная трудность.

– Да без каких-то особых причин, – сказала Констанс, выдавив из себя смешок.

– Так, посмотрим. Семейство Слокум было зрителями в период Гражданской войны, вплоть до тысячи восемьсот восемьдесят шестого года, насколько я помню. В том году Мид Слокум упал с лестницы и сломал шею. Потом зрителями были Макхарди. Джонатан Макхарди. Они там жили до того времени, пока маяк не перевели в автоматический режим в тысяча девятьсот тридцать четвертом году.

– Значит, никаких потомков Мида Слокума в городе нет?

– Насколько мне известно, таковых вообще нет. Бездетный вдовец. Пьяница. В этом одна из опасностей работы: все время на ногах, одиночество, изолированность... особенно зимой. Говорят, он спятил в последние годы, говорил, что маяк посещают призраки.

– Призраки? Что за призраки?

– Плачущие младенцы по ночам. Что-то в таком роде.

– Понятно. – Констанс помолчала. – А где бы я могла узнать о нем побольше?

Уорли уставился на нее из-под кустистых бровей:

– Вы, случайно, не работаете с этим историком?

Кроме возраста и расовой принадлежности обладателя пальца, Пендергаст за завтраком упомянул о Моррисе Маккуле. Ей всего лишь нужно научиться задавать вопросы более беззаботно.

– Нет, мне просто любопытно.

– Потому что этот парень задавал те же вопросы. – Он шагнул к ней, его лицо потемнело от подозрения. – Вы тут с кем?

Констанс почувствовала смятение, смешанное с растущим раздражением. Она проваливала задание. Но лгать в таком маленьком городке нельзя.

– Я здесь с мистером Пендергастом, частным детективом. Он расследует ограбление винного погреба.

– А, тот человек в красной машине, который вчера спровоцировал собственный арест?

– Да.

– Вот молодец. Начальник полиции Мурдок – настоящий говнюк. – Арест начальником местной полиции возвышал Пендергаста в глазах Уорли. – Если бы вы могли уточнить, что именно хотите узнать, может, я и нашел бы что-то.

– О, если бы я могла уточнить. Мне хочется узнать всю историю этого города.

– Позор, что кто-то украл вино Лейка. Он приятный джентльмен. Но я не думаю, что история города имеет к этому какое-то отношение.

– Мы пытаемся работать основательно. Меня особенно интересует история городского афроамериканского населения.

– И очень занятная история.

– Пожалуйста, расскажите.

– Там на берегу расположено то, что называется Дилл-Таун. Там жили чернокожие.

– А почему Дилл-Таун?

– В честь освобожденного раба, который там поселился. Его звали Джон Дилл. В те ранние времена большинство жителей были моряками. Тот район, вообще-то, некоторое время был богаче, чем белая часть города.

– Почему же?

– Они на длительное время выходили в море, работали китобоями и на зерновозах. Когда ты в море, всем наплевать, какого цвета у тебя кожа. Важно, что ты умеешь. И команды на этих кораблях были многоязычные.

– А на земле, когда они возвращались в Эксмут, здесь ощущалась расовая напряженность?

– Поначалу нет, пока работы всем хватало. Но позднее оно появилось – возникло негодование в связи с процветанием Дилл-Тауна. Понимаете, обитатели Эксмута были в основном прибрежными рыбаками. Они не уходили в море на годы во времена китобоев, а черные уходили. А потом из-за Кракатау дела у всех пошли плохо.

– Из-за Кракатау?

– Да-да. Извержение Кракатау произошло в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году. На следующий год в Эксмуте не было лета; люди говорят, что тогда, в тысяча восемьсот восемьдесят четвертом, заморозки случались каждый месяц. Урожай погиб, рыбная ловля сошла на нет. Китобои к тому времени уже переживали кризис, и легкие деньги, которые они зарабатывали еще недавно, кончились. Ситуация становилась все хуже, пока одного черного парня не обвинили в изнасиловании белой женщины. Парня линчевали.

– Линчевали? В Массачусетсе?

– Да, мадам. Его удавили, а тело выбросили в залив. Это случилось в тысяча девятьсот втором году. Для чернокожих тот случай стал началом конца Дилл-Тауна. К тому времени, когда налетел «Янки Клиппер» в тысяча девятьсот тридцать восьмом году и сровнял с землей Олдем, Дилл-Таун был почти пуст.

– Олдем?

– Очень отсталое старое поселение к югу отсюда, на Кроу-Айленде. Сейчас это часть заповедника, ну, вы сами знаете.

– Вернемся к линчеванию. Не знаете, кто был виновником?

– Обычные пьяные линчеватели. Сейчас это позор, и никто с вами не будет об этом говорить.

– Но вы же говорите.

– Моя семья «издаля», как здесь выражаются. Мои родители приехали из Даксбери. И я поездил по миру, в отличие от местных. Не забывайте: я играл Макбета в Бостоне.

Констанс протянула руку:

– Я не представилась. Констанс Грин. Благодарю вас за информацию.

Он пожал ее руку:

– Рад познакомиться, Констанс. Кен Уорли, к вашим услугам.

– Если у меня возникнут еще вопросы, можно к вам обратиться?

– Буду рад. И я надеюсь, вы с мистером Пендергастом хорошо проведете время в нашем городке.

Он выбросил вперед руку и продекламировал:

Приятно расположен этот замок;
И самый ветер, ласковый и легкий,
Смягчает ваши чувства.

Констанс понимала, что человек, возможно, будет им еще полезен. Но ее терпение истощилось.

– «Воздух», – сказала она.

Уорли моргнул:

– Простите?

– «Воздух», – повторила Констанс. – Не «ветер». Еще раз спасибо за помощь, мистер Уорли.

И, изобразив намек на книксен, она вышла из здания.

10

Брэдли Гэвин вышел из кабинета в задней части здания полицейского участка, держа в руке пакет с ланчем. Он остановился, увидев человека, стоящего в дверях приемной. Того странного частного детектива, Пендергаста. Гэвин уже заинтересовался человеком, который сумел так разозлить шефа полиции. Не то чтобы это было очень трудно: чтобы завестись, шефу требовалось только получить какую-нибудь реальную работу. В течение последних двух лет всю полицейскую работу в городке выполнял практически один Гэвин... а шеф только выписывал штрафы за нарушение правил парковки. Нужно было подождать еще шесть месяцев – тогда Мурдок, эта ленивая задница, уйдет на пенсию, и должность шефа полиции займет Гэвин. По крайней мере, он надеялся на это. Его назначение зависело от трех избранных членов муниципалитета. Но он имел репутацию человека, преданного своему делу, его семья принадлежала к старейшим эксмутским семьям, он входил во внутренний городской кружок, а его отец прежде сам занимал должность шефа городской полиции, так что его шансы были неплохи.

Убрав ланч в сторону, Гэвин посмотрел на Пендергаста, спрашивая себя, не испытывает ли этот человек судьбу, заявляясь сюда вскоре после своего ареста.

– Чем я могу вам помочь? – вежливо спросил он.

Человек отделился от дверного косяка, сделал шаг вперед и протянул руку:

– Мы формально незнакомы. Я Пендергаст.

Гэвин пожал ему руку:

– Сержант Гэвин.

В приемную с улицы вошел еще один человек – секретарь, или помощница, или бог его знает кто Пендергаста, миниатюрная молодая женщина по имени Констанс. Она молча посмотрела на него своими необычными фиалковыми глазами. Ее коротко подстриженные волосы имели сочный, насыщенный рыжий цвет, и, хотя покрой ее платья отличался строгостью, он не мог скрыть соблазнительных форм под тканью. Не без усилия Гэвин перевел взгляд на Пендергаста.

– Правильно ли я понимаю, что вы и шеф полиции – это весь состав полицейских сил Эксмута?

«Полицейских сил». Гэвину было ясно, как этот человек сумел залезть шефу под кожу.

– Мы – маленький участок, – ответил он.

– Для моего расследования мне необходим доступ к некоторым документам. Вы можете помочь?

– К сожалению, нет, это компетенция шефа.

– Превосходно! Не могли бы вы устроить мне разговор с ним?

Гэвин пристально посмотрел на Пендергаста:

– Вы и в самом деле хотите пойти туда?

– Пойти куда? Я никуда не собираюсь идти.

Гэвин не мог понять, кто этот человек: самоуверенный наглец или идиот. Он повернулся к женщине за столом:

– Салли, будьте добры, сообщите шефу, что мистер, э-э, Пендергаст пришел встретиться с ним.

Секретарша затравленно взглянула на него:

– Вы уверены?..

– Да, пожалуйста.

Она нажала кнопку и забормотала что-то в микрофон.

Гэвин знал, что шеф выйдет. Арестовав Пендергаста днем ранее, он не выпустил весь пар, постоянно ворчал и выражал недовольство тем, что этот тип все еще ошивается в городе.

Это обещало быть забавным.

Через несколько мгновений Мурдок вышел из кабинета. Он двигался медленно и с достоинством, готовый к схватке. В приемной он остановился и посмотрел на Пендергаста, затем на Констанс Грин.

– Спасибо, что приняли меня, шеф. – Специальный агент шагнул вперед и извлек из кармана лист бумаги. – Это список дел, которые мне нужны для расследования кражи винной коллекции. Он включает ваши отчеты о кражах со взломом и проникновениях в дома за последние двенадцать месяцев. Еще мне нужно знать, есть ли в городе люди, отбывавшие сроки за преступления. Я буду признателен, если вы выделите мне в помощь сержанта Гэвина для просмотра документов и ответов на вопросы, ежели таковые у меня возникнут.

Он замолчал. Наступила долгая, чреватая взрывом тишина, пока шеф Мурдок разглядывал стоящего перед ним человека. Потом он начал смеяться – громким, безрадостным, утробным смехом:

– Ушам своим не верю. Вы приходите сюда и предъявляете мне какие-то требования?

– Я не закончил свое расследование.

– Убирайтесь. Немедленно. Я больше не желаю видеть вашу тощую предприимчивую задницу до суда.

– А если я не уберусь?

– Тогда я надену на вас наручники, как вчера, и вы сможете провести здесь ночь в качестве моего особого гостя.

– Вы угрожаете мне еще одним арестом?

Лицо шефа полиции залила краска, его мясистые руки сжимались в кулаки и разжимались. Гэвин никогда не видел шефа в такой ярости. Мурдок сделал шаг вперед:

– Даю тебе последний шанс, говнюк ты хренов.

Пендергаст не шелохнулся:

– Я всего лишь прошу вашей помощи в ознакомлении с некоторыми документами. Простого «нет» было бы достаточно.

– С меня хватит. Гэвин, надень на него наручники.

Гэвин встревожился, он никак не рассчитывал быть втянутым в это дело.

– На каком основании, шеф?

Шеф в ярости повернулся к нему:

– Не смей ставить под сомнения мои приказы! Он нарушил границы чужой собственности. Надевай на него наручники!

– Нарушил границы чужой собственности? – переспросила Констанс Грин тихим голосом, в котором послышалась неожиданная угроза. – В общественном месте?

Происшествие оказалось вовсе не таким занимательным, как предполагал Гэвин. Он посмотрел на шефа, который злобно сверлил его взглядом, и неохотно обратился к Пендергасту:

– Повернитесь, пожалуйста.

Гэвин снял наручники с пояса, но тут Констанс Грин шагнула вперед.

Пендергаст мгновенно остановил ее предостерегающим жестом, потом завел руки за спину и повернулся. Гэвин уже собирался надеть на него наручники, когда Пендергаст сказал:

– Не могли бы вы вытащить у меня из заднего кармана мой бумажник с жетоном?

Бумажник с жетоном? В голосе Пендергаста неожиданно зазвучал холодок, и у Гэвина возникло щекочущее предчувствие, что сейчас случится нечто ужасное. Он достал кожаный бумажник.

– Положите его мне в карман пиджака, будьте добры.

Пока Гэвин возился с бумажником, шеф выхватил его из рук сержанта, и он открылся, сверкнув синим и золотым.

Наступило мгновение тишины.

– Это что еще за чертовщина? – спросил шеф, глядя на жетон так, будто в жизни не видел ничего подобного.

Пендергаст хранил молчание.

Мурдок прочел надпись на жетоне.

– Вы... *агент ФБР?*

– Значит, вы все же обучены грамоте, – сказала Констанс Грин.

Лицо шефа внезапно стало почти таким же бледным, как у Пендергаста.

– Почему же вы ничего не сказали?

– Это не имеет отношения к делу. Я здесь не при исполнении.

– Но... Господи Иисусе! Вы должны были предъявить свои полномочия. Вы все время позволяли мне предположить...

– Предположить что?

– Что вы... вы просто... – Он поперхнулся.

– Просто обычный гражданин, которого можно унижать и шпынять? – сказала Констанс Грин своим шелковым старомодным голосом. – Я вас предупреждала.

Под взглядом Гэвина специальный агент подошел к шефу полиции:

– Шеф Мурдок, за все мои годы службы специальным агентом я редко встречал злоупотребление полицейской властью в таких масштабах, с какими столкнулся в вашем городке. Вчера за незначительное нарушение парковки вы грубо оскорбили меня, угрожали физическим насилием, арестовали и удерживали без всяких на то оснований. Кроме того, вы использовали бранное слово, крайне оскорбительное для ЛГБТ-сообщества.

– ЛБГ... Что? Я этого не делал!

– И наконец, вы не зачитали мне мои права при аресте.

– Ложь! Сплошная ложь. Я сообщил вам о ваших правах. Ничего этого вы не сможете доказать.

– К счастью, весь наш разговор был записан камерой магазина одежды на другой стороне улицы. У меня на руках копия этой записи, которую я получил с помощью ответственного специального агента Рэндольфа Булто из бостонского отделения – он оказал мне услугу, выдав необходимый ордер.

– Я... Я... – Шеф почти потерял дар речи.

Повернувшись к Гэвину, Пендергаст кивнул, показывая на наручники:

– Уберите, пожалуйста, эти приспособления.

Гэвин поспешил вернуть наручники на служебный ремень.

– Спасибо. – Пендергаст сделал шаг назад. – Шеф Мурдок, говоря словами одного поэта, мы теперь можем пойти двумя путями¹². Хотите узнать какими?

– Путьми? – Шеф, сильно поглупевший от потрясения, с трудом воспринимал его слова.

– Да, путьми. Первый – довольно найоженный: я подаю жалобу на вас за злоупотребление полицейской властью и прилагаю видеозапись в качестве подтверждения моего списка обвинений. Это положит конец вашей карьере перед самым выходом на пенсию, уничтожит вашу репутацию, поставит под угрозу вашу пенсию и, вполне вероятно, приведет к назначению вам исправительных работ или даже к короткому тюремному заключению. Но есть и другой путь.

Он подождал, скрестив руки на груди.

– Какой другой путь? – прохрипел наконец шеф.

– И вы еще называете себя жителем Новой Англии... Путь менее найоженный, разумеется! Вы со всей душой оказываете мне помощь в моем расследовании. Всеми. Возможными. Способами. В этом случае мой коллега ОСА Булто убирает запись и больше мы никогда не

¹² Имеется в виду стихотворение Роберта Фроста «Другая дорога» (в переводе Г. Кружкова).

возвращаемся к этой теме. Да, и, конечно, вы отказываетесь от всех предъявленных мне обвинений. – Он помолчал. – Какой путь мы выберем?

– Этот путь, – поспешил сказать шеф. – Я выбираю менее нахоженный путь.

– На этом пути все будет иначе. Да, чуть не забыл. Вот.

И Пендергаст помахал своим списком перед носом шефа.

Мурдок чуть не уронил бумажку, стремясь завладеть ею:

– К завтрашнему утру я подготовлю эти документы для вас.

Агент ФБР коротко переглянулся со своей молодой помощницей. Она посмотрела в сторону шефа полиции с пренебрежительным удовлетворением, потом повернулась и вышла из участка, не сказав больше ни слова.

– Очень вам признателен. – Пендергаст протянул руку. – Вижу, что мы с вами можем стать верными друзьями.

Провожая взглядом агента и его спутницу, Гэвин подумал: «Он, безусловно, подавляет, но эта Констанс Грин... она опасна... на какой-то удивительно привлекательный манер».

11

Уолт Эддерли, владелец гостиницы «Капитан Гуль», вышел из своего кабинета и по узкому коридору направился в ресторан «Штурманская рубка». Он заглянул в полутемный зал. Часы показывали половину второго, и, хотя большинство тех, кто пришел на ланч, уже покинули заведение (жители Эксмута предпочитали поесть пораньше), Эддерли, просмотрев чеки, отметил, что клиентов в ресторане сегодня побывало немало.

Его глаза остановились на одинокой фигуре за восьмым столиком. Это был тот мужчина, который расследовал ограбление винного погреба Лейка. Персиваль сообщил Эддерли, что этот человек – агент ФБР, и Эддерли, конечно, ему не поверил: Лейк любил иногда пошутить. И еще скульптор сказал ему, что этот человек – Пендергаст, вспомнил он по записи в регистрационной книге гостиницы, – довольно эксцентричен. В это, по крайней мере, нетрудно было поверить: парень носил совершенно черный костюм, словно был в трауре, и даже в полутьме зала его бледное лицо выделялось, как луна в полнолуние.

Стоя в коридоре, Эддерли наблюдал, как Марджи, старшая официантка, торопливо принесла клиенту его заказ.

– Пожалуйста, – сказала она. – Жареный сом. Приятного аппетита!

– Спасибо, – услышал Эддерли негромкий ответ.

Пендергаст какое-то время разглядывал содержимое тарелки, потом взял вилку, потыкал в рыбу в нескольких местах, отковырял кусочек на пробу. После чего положил вилку, оглядел ресторан – почти пустой, если не считать старика Уилларда Стивенса, который допивал свою третью, и последнюю чашку кофе, – и жестом подозвал официантку.

– Да? – сказала Марджи, вернувшись к его столу.

– Позвольте узнать, кто готовил это блюдо?

– Кто? – Марджи моргнула, услышав столь неожиданный вопрос. – Наш повар, Реджи.

– Он ваш постоянный повар?

– Теперь да.

– Понятно.

Сказав это, человек взял тарелку, поднялся и прошел мимо столиков, вокруг стойки бара и через двойную дверь, ведущую в кухню.

Это было настолько необычно, что Эддерли застыл в недоумении. Некоторые из его клиентов были так довольны едой, что просили повара выйти в зал, чтобы поблагодарить его. Несколько раз клиенты по разным причинам отказывались от еды. Но он ни разу не видел, чтобы клиент отправлялся в кухню с собственной тарелкой.

Ему пришло в голову, что лучше самому посмотреть, что будет происходить в кухне.

Он вышел из коридора в зал ресторана и направился в кухню. Обычно здесь царила суета, но сейчас было почти тихо. Посудомойка, две официантки, линейный повар и Реджи – все стояли тесной группкой, глядя, как человек по фамилии Пендергаст идет мимо стола для готовки блюд, открывая ящики, доставая различные приборы, рассматривая и возвращая их на место. Потом он обратил свое внимание на Реджи.

– Насколько я понимаю, вы повар? – спросил Пендергаст.

Реджи кивнул.

– И какая у вас квалификация, позвольте спросить?

Реджи был удивлен не менее других.

– Четыре года службы в ВМФ в должности кухонного специалиста.

– Конечно. Что ж, возможно, у нас есть надежда. – Пендергаст поднял принесенную им тарелку и передал ее Реджи. – Начнем с того, что так далеко на севере купить хорошего сома просто невозможно. Насколько я понимаю, он был заморожен, верно?

Судя по выражению лица, Реджи приготовился обороняться:

– И что?

– Дружище, да ведь мы на берегу океана! У вас, наверное, есть возможность получать свежую рыбу – терпуга, сайду, камбалу, морского окуня?

– Есть улов, который Уэйт доставил вчера вечером, – сказал Реджи после долгой паузы.

Это было уже слишком. Эддерли сделал шаг вперед, чтобы вмешаться. Он не хотел терять своего лучшего повара.

– Мистер Пендергаст, – заговорил он, – возникли какие-то проблемы?

– Я хочу сам приготовить себе ланч. Приглашаю Реджи выступить помощником шеф-повара.

Эддерли подумал, что этот Пендергаст не только эксцентричный, но и, вероятно, слегка чокнутый.

– Я прошу прощения, – сказал он, – но мы не можем допустить, чтобы клиенты заходили в кухню, нарушая мир...

– Единственный нарушенный сейчас мир – это мир моего желудочно-кишечного тракта. Но чтобы убедить вас... – Человек достал из кармана пиджака жетон, золотой с синим, и показал его Эддерли.

Там было написано: «ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ».

«Значит, Лейк все же не шутил». Эддерли сделал шаг назад, и Пендергаст продолжил:

– Расскажите мне об этом улове Уэйта.

Реджи переглянулся с Эддерли. Хозяин кивнул и одними губами произнес: «Подыгрывай ему». Реджи кивнул в ответ, отступил к холодильному помещению, открыл дверь и резко остановился.

– Что случилось? – спросил Пендергаст.

– Я мог бы поклясться, что купил у Уэйта дюжину камбал. А их здесь только десять.

– Кстати, я хотел со всеми вами поговорить об этом, – сказал Эддерли, все еще не оправившийся от удивления. – Я отмечаю регулярное падение выручки от заказов против закупок. Мне думается, у нас появился вор. Прошу довести до всех: мне это очень не нравится.

Пока Эддерли говорил, агент ФБР вошел в холодильное помещение и на короткое время исчез из виду.

– Ага! – Он снова появился, держа в руках большую выпотрошенную камбалу. – Это не европейский морской язык, но сгодится. Позвольте мне сковороду? Чугунную, старую?

Реджи подал ему сковородку.

– Отлично. Так, Реджи, как ваша фамилия?

– Шератон.

– Спасибо. Мистер Шератон, как бы вы стали готовить эту рыбу?

– Я бы ее сначала филетировал.

– Прошу.

Он положил рыбу на разделочную доску и стал с одобрением наблюдать за тем, как Реджи умело разделяет ее.

– Прекрасная работа, – сказал Пендергаст. – Это дает мне надежду. Теперь скажите мне, как бы вы ее приготовили?

– В лянде, конечно.

Пендергаста пробрала дрожь.

– Не в топленом масле?

– В топленом?..

Наступила пауза.

– Прекрасно. Мы ограничимся самым простым случаем. Будьте добры, поставьте сковородку на сильный огонь.

Реджи подошел к плите, включил горелку и поставил на нее сковородку.

– Положите на нее масло, пожалуйста. Не слишком много, только чтобы покрыло дно...
Постойте, постойте, этого более чем достаточно!

Реджи положил невероятно маленький, на его взгляд, кусочек масла и отступил назад. Остальные в безмолвном удивлении следили за происходящим.

Пендергаст стоял, держа рыбу.

– А теперь, мистер Шератон, если вы не возражаете, соберите весь *mise en place*¹³: грибы, чеснок, белое вино, муку, соль, перец, петрушку, половинку лимона и сметану.

Реджи двигался по кухне, собирая необходимые ингредиенты, а его молчание становилось все более обиженным. Пендергаст не сводил глаз с греющейся сковородки. Эддерли наблюдал за этим кулинарным уроком с растущим удивлением и любопытством.

Специальный агент посолил рыбу с обеих сторон и отложил.

– Поварской нож?

Сту, линейный повар, подал ему нож.

Пендергаст осмотрел его:

– Он плохо заточен! Разве вы не знаете, что тупой нож опаснее острого? Где у вас оселок?

Достали точильный оселок, и Пендергаст несколько раз опытной рукой провел ножом по оселку. Потом он занялся грибами, разрезал один быстрыми, ловкими движениями. Передал нож Реджи, и тот под присмотром специального агента нарезал остальные грибы, крошил зубчик чеснока, немного петрушки.

– У вас приличный навык работы с ножом, – сказал Пендергаст. – Это утешительно. А теперь займемся рыбой. Если мы будем готовить эту рыбу *à la minute*¹⁴, то сковорода должна быть очень горячей и рыба должна готовиться быстро. Сейчас у нее подходящая температура.

Он взял рыбу и положил на разогретую сковородку, которая издала скворчание. Он подождал немного, словно отсчитывая секунды, потом сказал:

– Видите? Ее уже можно переворачивать. И появляется легкая карамелизация.

Он подsunул лопаточку под рыбу и осторожно перевернул ее, вызвав новый прилив скворчания.

– Но на флоте... – начал было Реджи.

– Вы больше не прожариваете рыбные палочки для нескольких сотен человек. Вы готовите для единственного разборчивого клиента. Все, готово! – С этими словами Пендергаст скинул рыбу на чистую тарелку. – Обратите внимание, что я положил ее красивой стороной вверх. А теперь смотрите, мистер Шератон, если не возражаете. – Агент ФБР плеснул на сковородку белого вина, и, когда над ней поднялся пар, он добавил муки и еще немного масла, удаляя корку с дна и быстро перемешивая ингредиенты. – Я готовлю простейший *бер-манье*, на основе которого делается соус, – объяснил он.

Минуту спустя он положил на сковородку грибы, потом чеснок. Держа ручку сковороды полотенцем, Пендергаст быстро обжарил ингредиенты, затем энергичным движением щедро добавил сметаны. Стоя над горелкой, он постоянно перемешивал составляющие. Еще минуту спустя он выключил горелку, взял ложку, попробовал соус, добавил приправы, снова зачерпнул соус ложкой и показал ее Реджи:

– Заметьте, мистер Шератон, как соус легко обволакивает ложку. Французы называют это *парре*. На будущее я попрошу вас, чтобы вы довели соус именно до такой консистенции, прежде чем подавать мне.

Он обильно полил рыбу соусом, приправил петрушкой и выдавил на нее немного лимонного сока.

¹³ Здесь: все необходимое (*фр.*).

¹⁴ На скорую руку (*фр.*).

– Filets de Poisson Bercy aux Champignons, – объявил он, сделав жест рукой. – А точнее, Filets de Sole Pendergast, поскольку с учетом обстоятельств мне пришлось сделать несколько упрощений как в ингредиентах, так и в технике приготовления. Скажите, мистер Шератон, сможете ли вы с величайшей точностью воспроизводить этот процесс для моих будущих обедов в вашем заведении?

– Процесс достаточно прост, – коротко ответил Реджи.

– В этом-то и прелесть.

– Но... для каждого обеда?

– Для каждого моего обеда. – Пендергаст вытащил из кармана стодолларовую купюру и протянул ее повару. – Это вам за сегодняшнее беспокойство.

Реджи уставился на деньги, негодование, написанное на его лице, сменилось удивлением.

– А на ланчах вы работаете так же регулярно, как на обедах? – с надеждой в голосе спросил Пендергаст.

– Только дважды в неделю, – ответил Реджи.

– Ну что ж, тогда пока ограничимся обедами. Filets de Sole Pendergast на предсказуемое будущее, будьте добры. Моя благодарность.

С этими словами Пендергаст взял тарелку, повернулся и вышел из кухни.

Эддерли повернулся к Реджи, рассмеялся и похлопал его по спине:

– Ну что, Реджи, кажется, у нас есть новое блюдо для меню. Как думаешь?

– Пожалуй.

– Добавлю его на доску.

С этими словами Эддерли вышел из кухни, посмеиваясь себе под нос, а Реджи и остальные стояли и смотрели друг на друга с открытым ртом еще какое-то время после того, как двойные двери в зал ресторана перестали раскачиваться.

12

Бенджамин Франклин Бойл погрузил тяпку в ил и перевернул большую жирную красивицу. Когда он вытащил ее, моллюск выпустил струю в знак протеста, и Бойл сунул его в ведерко, сделал несколько шагов вперед, громко хлопая высокими сапогами, снова погрузил тяпку в ил, раскрыл в иле новое углубление и увидел еще двух моллюсков. Еще несколько шагов, новые движения тяпки, еще несколько моллюсков в ведерке, а потом он отдохнул, опираясь на тяпку и глядя над отмелью в сторону устья реки и моря за ним. Стоял низкий отлив, и солнце садилось у него за спиной, окрашивая в пурпур грозовой фронт на морском горизонте. Наступил чудный осенний вечер. Бойл вдохнул запах соленого воздуха, гнилостный аромат отмели – он любил этот запах – и прислушался к крикам чаек, парящих кругами над болотами Эксмута.

Пять лет назад, в возрасте шестидесяти пяти лет, Бойл перестал заниматься ловлей рыбы и продал свою плоскодонку. Работа была тяжелая, а морские гребешки, казалось, становились все меньше и встречались все реже, и в последние несколько лет вся его добыча состояла из бесполезных морских звезд, которые разрушали его сети. Он с радостью избавился от лодки, получил за нее хорошую цену и отложил достаточно денег для бедной старости. Но сбор моллюсков позволял ему чем-то занимать время и приносил кое-какие деньги, а вдобавок давал возможность быть близ моря, которое он любил.

Бойл перевел дыхание и оглядел сверкающую отмель. Повсюду были видны отверстия песчаных ракушек. Место было хорошее, и никто из сборщиков уже давно сюда не заглядывал, потому что дорога в эти места вела нелегкая – через острую болотную траву и еще одну вязкую отмель, не такую далекую, а потому уже хорошо обобранную. Путь сюда был не слишком труден, но возвращение с наполненным моллюсками ведром весом в сорок фунтов – настоящий ад.

Он сунул тяпку в сверкающую, подрагивающую поверхность ила и откинул его в сторону, обнажив еще несколько штук. Он работал ритмично, каждый раз делал несколько шагов вперед, разгребал ил, переворачивал его, извлекал моллюсков, кидал в ведерко, потом повторял процесс. Приблизившись к кромке зарослей болотной травы, Бойл остановился и принялся оглядывать место в поисках еще одной хорошей линии сбора. Он топнул ногой по трясущемуся илу и увидел справа несколько фонтанчиков. Да, урожай здесь будет неплох. Но когда он нагнулся, намереваясь начать, то заметил чуть в стороне, в полумраке, что-то странное, похожее на шар для боулинга, из которого торчали волосы. Шар был закреплен на какой-то комковатой форме, частично погруженной в мутный поток, петлявший по илистому руслу канала.

Бойл поставил тяжелое ведро и направился туда, чтобы разобраться. Его сапоги противно хлопали при каждом шаге. Ему не потребовалось много времени, чтобы понять, что он видит мертвое тело, застрявшее в грязи, а еще через несколько шагов он подошел вплотную. Перед ним лежал лицом вниз, раскинув в стороны ноги и руки, голый мужчина, погрузившийся на несколько дюймов в грязь. На затылке у него волосы были редкими, а в центре, в кольце волос, покрытых кристалликами соли, блестела лысина. Крохотный зеленый краб, почувствовав движение, перебежал от одного пучка волос к другому и трусливо спрятался в зачесе.

Бойл повидал немало утопленников, выброшенных на берег, и этот был похож на большинство из них, вплоть до дыр в коже, оставленных морскими хищниками – крабами, рыбами, омарами, – начавшими пиршество.

Какое-то время Бойл стоял, размышляя, знает ли он этого человека. Он не сумел сразу вспомнить похожую лысину, но лысины были у многих, а поскольку утопленник лежал тут без одежды, Бойлу вообще никто не приходил в голову. Ему, конечно, нужно было вызвать полицию, но любопытство взяло верх. Он все еще держал в руке тяпку, а потому нагнулся

над телом и завел инструмент в грязь под него в области живота. Другой рукой он ухватил утопленника за плечо и повернул. Тело высвободилось из хваткого ила и перевернулось на спину с жутким хлопком и хлюпаньем, заочневшая рука ударилась о грязь.

Лицо и торс мертвеца были покрыты слоем черного ила, поэтому трудно было что-то разобрать. Что теперь? Нужно смыть грязь с лица. Бойл обогнул тело, подошел к каналу, сложил ладони и принялся набирать в них воду и поливать мертвого. Грязь отходила быстро, сначала протоками, потом пластами обнажая белесую плоть.

Бойл замер. Лицо было сильно поедено – глаза, губы, нос, – обычное дело, если тело находится в соленой воде. Но его насторожило не столько лицо, сколько туловище. Он уставился на него, пытаясь понять. То, что поначалу показалось ему грубоватой татуировкой, на самом деле оказалось чем-то совершенно другим.

Бенджамин Франклин Бойл отложил тляпку, залез в карман под высокими – до бедер – сапогами и вытащил сотовый. Он набрал номер телефона Эксмутской полиции. Когда диспетчер ответила, он сказал:

– Дорис? Это Бен Бойл, я звоню с отмели. Тут тело. Это кто-то не из местных. Похоже, его вынесло из болота. Над ним поработал настоящий художник. Нет, рассказать я тебе не могу, ты должна сама увидеть.

Он подробно описал место, где находится, отключился и сунул телефон назад в карман.

Наморщив лоб, Бойл стал соображать, что ему делать дальше. Даже если копы выедут немедленно, они доберутся сюда не раньше чем минут через двадцать. У него есть время, чтобы заполнить ведро.

Он потопал по илу, посмотрел, где самые густые фонтанчики, и начал линию с этого места, сразу же задавая ритм: два шага, ударить тляпкой, перевернуть ил, поднять моллюска, кинуть в ведро, еще два шага.

13

Брэдли Гэвин, в грязи по самые бедра, поправил последние стойки с прожекторами и подключил провода к генератору. Не без труда вытащив ноги в высоких сапогах из грязи, он отошел на временные мостки, сооруженные вокруг тела.

Весь последний час он выполнял инструкции следователя-криминалиста, крупного человека по фамилии Малага, приехавшего из самого Лоуренса с криминалистом и фотографом: таскал доски, выкладывал их вокруг места преступления, прикатил генератор, настроил свет, обнес полицейской лентой периметр. А эти три джентльмена ждали на краю болота, когда все будет готово, чтобы они могли на цыпочках пройти к телу и, не испачкавшись, сделать свою работу.

– Проверь уровень топлива в генераторе, – сказал шеф, стоявший, скрестив на груди руки, в сверкающих новых сапогах без единого пятнышка грязи.

Шеф пребывал в поганом настроении после дневного визита Пендергаста, и его состояние только ухудшилось, после того как поступило сообщение о найденном теле. Причина этого была совершенно понятна Гэвину: совсем не вовремя появилась реальная работа, которая может отсрочить уход Мурдока на пенсию и, вероятно, испортить показатели по уровню преступности, очень низкие за все время его службы в качестве шефа полиции. Естественно, о раскрытии преступления он думал меньше всего.

Гэвин прогнал эти мысли. Он привык к такому положению дел. Еще шесть месяцев – и все закончится, а если повезет, то шефом полиции станет он сам.

Он проверил уровень топлива:

– Бак еще почти полный.

Гэвин старался не смотреть туда, где лицом вверх лежало тело – так его оставил сборщик моллюсков, который его и перевернул. Этот сукин сын продолжал собирать моллюсков вокруг тела и вконец затоптал все следы, какие еще могли оставаться. Следователь-криминалист Малага упадет в обморок, когда увидит все это.

– Ладно, – сказал Мурдок, прерывая размышления Гэвина, – похоже, у нас все готово. – Он поднес ко рту рацию. – Мы готовы, криминалисты могут приступать.

Тяжело дыша, Гэвин попытался соскрести палочкой излишки грязи со своих сапог.

– Эй, Гэвин, не скидывай грязь на мостки.

Гэвин отодвинулся в сторону и продолжил соскребать грязь, отбрасывая ее в темноту. На болота опустился прохладный вечер, липкий туман собирался низко над землей, окутывая место преступления белым покровом. Это больше походило на какую-то сцену из фильма ужасов, снимающуюся на реальном месте преступления.

Гэвин услышал голоса и увидел огни, подпрыгивающие в тумане. Немного погодя появился высокий мрачный человек – Малага. У него была бритая, совершенно гладкая голова на массивной шее, поросшей черными волосами, отчего он был похож на быка. За ним шел молодой человек азиатской внешности – криминалист, специализирующийся на фиксации места преступления; последним, отдуваясь и шаркая ногами, тащился толстяк, обвешанный фотокамерами.

Малага остановился на краю огороженной площадки и низким, мелодичным голосом проговорил:

– Благодарю, шеф Мурдок.

Он дал отмашку фотографу, который хотя бы был профессионалом, и тот принялся снимать тело под разными углами, то присаживаясь на корточки, то выпрямляясь во весь рост; беззвучная вспышка загоралась через каждые несколько секунд по мере его перемещений, которые он осуществлял с удивительной сноровкой. Гэвин старался скрыть свое потрясение и

сохранял профессиональный, безразличный вид. Прежде ему никогда не доводилось бывать на месте убийства. При взгляде на тело, распростертое на земле, на эти символы, жестоко вырезанные на груди мертвеца, его вновь захлестнули удивление и ужас. Кто мог это сделать и почему? Гэвин не видел в этом никакого смысла, абсолютно никакого. Что могло послужить причиной для совершения подобного поступка? Кроме всего прочего, Гэвин испытывал гнев, оттого что его родной городок осквернен таким преступлением.

Малага работал на месте преступления, время от времени отдавая распоряжения фотографу, а тот в свою очередь принимался делать новые снимки. В какой-то момент он закрепил камеру на рейке, расположил ее прямо над телом и сделал снимок сверху.

– Порядок, – сказал фотограф, отходя от тела.

Теперь к мертвецу подошел криминалист в латексных перчатках и с белыми бахилами на сапогах. Он положил сумку, вытащил из нее несколько фетровых свертков с самыми разными вещами: пробирками, пинцетами, маленькими пакетиками на молнии для вещдоков, булавками, бирками, маленькими флажками на проволоке, ватными палочками и наборами распылителей с химикалиями. Криминалист склонился над телом, отобрал волоски и волокна, что-то сбрызнул, что-то обработал тампоном. Он поскреб под ногтями, приклеил пластиковые пакетики на руки, осмотрел вырезанные символы, освещая их фонариком, выковыривая что-то, потирая здесь и там ватными палочками и закупоривая их в пробирки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.